

Алла Дымовская

База 211

Алла Дымовская

База 211

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179208

База 211: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-057493-3, 978-5-271-22881-0

Аннотация

Идет Вторая мировая война... Долгая, суровая полярная ночь. Лицом к лицу сошлись непримиримые противники, идейные дуэлянты, солдаты враждующих армий. В последнем прибежище Гитлера, на краю света, развернется настоящая драма эпохи – инопланетная загадка грозит гибелью и победителям и побежденным.

Содержание

ВОДОРАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ НЕ ЗВЕРЬ, НО	4
ЧЕЛОВЕК	
1	4
2	28
3	52
4	75
5	97
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Алла Дымовская

База 211

Посвящается Светлане Петровне Поляковой

*Господь Бог изощрен, но не злонамерен.
А. Эйнштейн*

ВОДОРАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ НЕ ЗВЕРЬ, НО ЧЕЛОВЕК

1

*Тогда я дал моим глазам вернуться
Сквозь семь небес – и видел этот шар
Столь жалким, что не мог не усмехнуться.¹*

Сначала ему показалось, будто сосед-шутник, лейтенант Рейли, столкнул его с койки и в уши отчего-то немедленно набилась вата. По крайней мере, такое ощущение было. Ночь кругом, иллюминатор едва не у самой ватерлинии, и подавно ничего не видно. Пребольно ударившись локтем о желез-

---

¹ Данте Алигьери, «Божественная комедия», в переводе М.Л. Лозинского.

ный пол, Сэм окончательно проснулся. Сосед его точно так же валялся рядом, пытался сесть и смачно ругался вполголоса. Похоже, Рейли пребывал в подобном же заблуждении, а потому то и дело повторял, чтоб черти побрали Сэма с его идиотскими шуточками. Но тут завывла корабельная сирена, и Рейли перестал быть слышен. Первый сигнал тревоги в армии обычно и последний, кто не успел, тот, извините, опоздал. Натыкаясь в кромешной темноте друг на дружку, Сэм и его сосед, поспешно одевшись, выскочили в слабоосвещенный коридор. Там выло еще сильнее, зато наконец в ушах пробило вату. Рейли показывал направо, отчаянно мотал головой, Сэм его толкнул. Нечего долго рассуждать, побежали! По трапу вверх, оттуда на палубу, в случае тревоги ему надлежало согласно расписанию занять свое место у правого борта. Возле спасательных шлюпок. Хотя Сэм и не моряк, но коли время военное, то прохладиться не должен ни один офицер. Да и капитан разве позволит? Людей и так не хватает.

По дороге вверх они с Рейли наткнулись на бестолковую пробку из женщин и детишек; это они с лейтенантом холостяки, а многие в отпуск торопятся по-семейному, хотя, что толку, в Англии сейчас, пожалуй, куда опасней. Правда, Сэм лично следовал по иной надобности. Вот уж не ждал он, что где-то в верхах вспомнили и о нем, и теперь в срочном порядке требуют домой. Да еще никому ни слова, условия строгой секретности. Плевать он хотел. Время упущено, и отны-

не глупо жарить картошку на пожаре. Сэм, разумеется, делает все, что в его силах. Он думал на бегу об этом и о другом, один раз украдкой посмотрел на водонепроницаемые часы-компас, было 22.30, еще двенадцатое сентября. Вежливо расталкивал почтенных и не очень леди и их отпрысков, на ходу бросал им успокаивающие уверения и указывал на правильные выходы: ничего-ничего страшного, возможно, учебная эвакуация, «Лакония» надежный корабль. К тому же обстреливать гражданские пароходы строжайше запрещено конвенцией. И на борту около двух тысяч пленных в трюмах, по большей части подданных Муссолини, а топить союзников вообще нонсенс. Правда, лихие дельфины-убийцы Карла Деница могут об этом и не знать.

«Лакония» точно тонула. Наверху это сразу стало ясно как божий день, несмотря на то что было темно. Да не одна торпеда, три как минимум. Расстреляли по всем правилам, словно учебную мишень. Честно говоря, Сэм обстоятельства торпедирования вычислил не сам, но один из морских офицеров, Бейсуорт, скороговоркой просветил его и велел быть готовым, сейчас нужно принимать гражданское население. А он спешит срочно доставить в рубку хоть кого из итальяшек, пусть обратится на своем языке к этим гансам, если те, само собой, еще не уплыли и вообще захотят оказать помощь. За бортом стояли мрак ночи, и темень волн, и лютая тишина. Ни выстрелов, ни движения. Еще бы, это же морской бой. Подкрасться, дать залп под водой, и деру, деру! Дизель на

полных оборотах, дифферент на нос. Все страшное происходит уже потом, так сказать, в отсутствие виновника.

Но тут Сэму некогда стало размышлять над казусами флотской жизни, к которой он, собственно, отношения не имел и иметь в будущем не собирался. Надо было браться за дело. Первая шлюпка готовилась к приему пассажиров. Странно, дети не плакали, даже совсем маленькие, терли кулачками сонные мордочки, а кое-кто и с любопытством поглядывал вокруг. Чего же им бояться, опять невольно задумался Сэм, для малышни скорее бесплатное приключение, они еще не понимают. Да и взрослые изо всех сил делают так, чтобы не поняли. Однако судно тонуло, им всем следовало поторопиться. Сэм беспрекословно выполнял распоряжения начальствующего матроса, ну и что с того, что он сам офицер и лейтенант, если в каком деле ни черта не понимаешь, слушай того, кто знает. Таково было главное жизненное кредо Сэма Керши, и он его по возможности старался придерживаться. И трудился не покладая рук. Скоро на палубе с его стороны гражданских почти не осталось. На пленных спасательные средства не рассчитывали, их потом просто поднимут наверх – и как хотят, своим ходом вплавь или пусть молят союзничков. Пора было уже эвакуироваться самому, документы в кармане мундира, он и не вынимал, а больше ничего и не надо, право слово, не с чемоданом же ему, в самом деле, лезть в шлюпку, это же позор. Хотя многие лезли, но семейные, и у них дети, так что простительно. Сэм оставал-

ся одним из последних, если не единственным, – кроме команды, но им положено по морскому уставу, – когда к нему подошел все тот же офицер Бейсуорт. Кем служил и какую именно роль выполнял Бейсуорт, было не очень понятно, да Сэм не слишком и выяснял, ходили только слухи – нечто, связанное с разведкой. Однако Бейсуорт явно приписан к Адмиралтейству и в чине капитан-лейтенанта, судя по офицерским знакам отличия.

Сэм двинулся ему навстречу и сделал вопросительный жест правой рукой, мол, он свое закончил, что дальше?

– Я вижу, у вас все в порядке, – каким-то неживым, скрипучим голосом ответил ему Бейсуорт и огляделся по сторонам. – Тонем, и еще как! Времени мало.

– Да, времени мало, – согласился Сэм и нетерпеливо дернулся. Если времени мало, так чего терять его в пустых разговорах. – Какие дальнейшие приказания?

Возле него и Бейсуорта действительно не было ни души. Приданного в помощь матроса еще на подходе капитан-лейтенант отослал куда-то прочь, остатки команды выводили пленных, а здесь, у кормы, царило полное безлюдье, будто не тонули и не сустились кругом.

– Сюда, пожалуйста, – сделал приглашающий жест Бейсуорт, оба они отошли к самому краю, где под водой упокоились замершие корабельные винты.

– Вы – Сэмюэль Керши, лейтенант службы связи? – задал ему вопрос Бейсуорт, будто не знал и сам, кто он, Сэм, такой.

– Я – Керши, – с раздражением бросил ему Сэм. Что еще за детские игры в шпионов посреди катаклизма? Из ума этот Бейсуорт выжил, что ли?

– Все правильно, – удовлетворенно кивнул капитан-лейтенант, зачем-то полез во внутренний карман. – Извините, сэр. Согласно приказу. И прошу прощения.

Сэм не долго раздумывал, за что Бейсуорт просит у него прощение, это стало ясно и так. Уж очень красноречиво вдруг заблестел у того в руке нарядный офицерский браунинг. Впрочем, думать и впрямь было некогда. Сэм рванулся вбок, пытаясь увернуться, одновременно судорожным, неловким движением нащупывая собственную кобуру на левом боку. Но тут голову его ожгло разрывным огнем, и реальность стала пропадать.

– Еще раз прошу прощения, – услышал он знакомый голос как бы издалека.

Сэма толкнули в грудь, а дальше было ощущение полета и удар, прохлада и полное отсутствие сознания.

Капитан Вернер Хартенштейн сквозь зубы изливал из себя нецензурный текст, в голос ругаться не было уже ни сил, ни желания. Вляпались, да притом ой-ой-ой как! Папа Де-ниц еще вчера дал радио и вместе с ним лично ему, Вернеру, послал пару ласковых. Но кто же знал? По рангу военный транспорт, хоть и бывший гражданский пароход. И потом негласный приказ: топить их всех! Он и не предполагал, что на борту окажутся бабы с ребятишками, вдобавок

ко всему смуглые союзнички сыпят проклятиями, цепляются за борт, только куда их брать, даже если и на три лодки, потопят к чертовой матери! Вообще-то он не был должен, у него совсем другое задание, но перед уходом в неизвестное очень уж хотелось оставить по себе память и заодно подарочек этим британским канальям. А ведь мог преспокойно пройти мимо. Однако сильно лакомый кусок, и для поддержания боевого духа экипажа! Короче говоря, сыграли к бою и пустили посудину ко дну. Привет, «Лакония»! В итоге Красный Крест, правительство Виши спешат на помощь, в дипломатическом курятнике международный скандал. И лишь потому, что у него одного спецзадание, и сам виноват в произошедшем грехе, из всего конвоя именно его лодка получила приказ разыгрывать милосердие на водах, спасти хоть кого, больше для вида, конечно. Хартенштейн уже вторые сутки без роздыха вылавливал изможденных, но все равно крикливо-скандальных союзничков, реже англичан, на борту шум и бедлам, загаженные отсеки, пожар в бардаке во время наводнения. Слава богу, подоспели французишки, теперь перегрузить живой балласт хоть с глаз долой, и дальше, дальше, согласно секретному назначению. Осталось потерпеть пару часов, еще раз проклясть от души случившееся гадство, и крейсерской скоростью по направлению к Кейптауну, там дозаправка от танкера и прости-прощай неизвестно до каких времен! Секретность небывалая, маршрут велено не отражать в приказах и судовом журнале. А по

возвращении передать меморандум лично на имя рейхсфюрера. Тоже диковинка, как это папа Дениц согласился на подобную узурпацию собственных драгоценных прав! Но, видно, дело и впрямь серьезное, гросс-адмирал своих не продал, не водилось за ним такого. Даже «Лакония», пожалуй, сойдет с рук, но это еще и оттого, что деваться умникам в штабе все равно некуда, видно, задание нужно исполнить любой ценой. Тут, хвала всем святым, к борту подошли наконец шлюпы французики, пора было заняться передачей незадачливых потопленцев. Хартенштейн бросил ругаться, в сопровождении помощника поспешил навстречу.

– Нашего загадочного раненого, конечно, оставим без объявления союзникам? – тихо спросил его за спиной помощник Мельман.

Вернер коротко и злобно огрызнулся на ходу. Конечно, само собой, он не полный кретин. Пока нет распоряжений на этот счет, англичанишка может прохлаждаться в лазарете в свое удовольствие. Правда, он уже вторые сутки без сознания. Еще бы, черепушку ему прилично повредили. Но милейший пьянчуга, дотошный судовой костоправ Линде уверяет, что все обойдется, а раз в беспамятстве, так даже лучше.

– Герр капитан, я говорю к тому, как быть с его... компаньоном? Этот парень Рейли знает достаточно, чтобы наболтать лишнего.

– Его тоже оставить. Не нам с вами решать, Мельман, и ду-

раку ясно. Ясно! – рявкнул Хартенштейн. Его помощник отменный вояка, без поджилок и без нервов, но иногда совершенно нет разницы между ним, Мельманом, и тупым ослом.

А ситуация вышла неоднозначная. Как будто мало ему, Вернеру, собственных загадок! Вообще-то военных англичан он не поднимал на борт, ничего, пусть маленько охолонут и побарахтаются в своих шлюпках. Уж и того достаточно, что принял к себе часть их бабья и детишек. Спасали только итальянских пленных, и то через одного. Но эта странная пара, ее Вернер просто не решился пропустить мимо. Возможно, ему и наврали с три короба, однако выкинуть за борт никогда не рано и никогда не поздно, а разобраться следует.

Все случилось ранним утром, едва его лодка «U-156» подошла к месту затопления. С вымпелом, как и положено, капитан Хартенштейн самолично стоял на мостике. Этот типчик, как оказалось, офицеришка из вчерашних, рьяно греб в их сторону, громко кричал и даже пытался махать одной рукой. А второй держался за спасательный оранжевый круг, а внутри того круга бессильно висело тело, мертвое или живое, непонятно. Его пытались отогнать прочь, угрожали оружием. Но парень все продолжал выкрикивать по-английски жалостливо-просительные фразы и уплывать никак не желал. Пока на помощь не явился доктор Линде, судовой врач, который кое-что знал из языка проклятых томми, он поднялся в этот момент наверх и просветил Вернера. Парень с кругом предлагал секретные сведения в обмен на помощь и

жизнь. В общем, выловили его. Себе ли на голову, пока нет ясности.

Рассказал же спасенный офицерик, Рейли его фамилия, удивительную вещь и не врал. Что-что, а вранье Хартенштейн чуял за версту. Будто полуживое тело, которое английский лейтенант приволок на себе, как на буксире, особенное. Чем, не знает и сам. Но вот офицер разведки с их корабля пустил его дружку пулю в голову, хоть и с извинениями, согласно тайному приказу; Рейли все видел и слышал, прятался неподалеку. После бросился в воду сам и аварийный круг прихватил. Не дружка, конечно, он спасал, а решил выловить страховку на всякий пожарный случай, который как раз и настал. И теперь предлагает купить у него товар. Что же, это было можно. Скорее всего, парень этот, Рейли, не такая уж дрянь, просто молод и глуп, вчерашняя канцелярская крыса, пороху не нюхал, вот и наложил в штаны. Однако с соображением.

Имя полуживому телу оказалось Сэмюель Керши, звание лейтенант, по крайней мере, парень клялся, что это так. Впрочем, размокшие документы в нагрудном кармане после просушки сие подтвердили. Сам же Керши ничего еще подтвердить не мог, за отсутствием сознательного ума. Контузия и средней тяжести ранение, никуда не денешься. Оставалось только ждать. Пока что Хартенштейн дал секретным кодом радио с описанием происшедшего лично папе Деницу. В нынешнем походе все свои радиোগраммы Вернер был обязан ад-

ресовать исключительно гросс-адмиралу. Ответа до сих пор не последовало. А нет ответа, значит, и действий никаких он предпринимать не собирается. Хватит и крепко говнистой ситуации с «Лаконией».

Еще два дня положение вещей не менялось. Приказ был прежний – подбирать пострадавших и передавать далее. Видно, папа Дениц рассердился не на шутку и добро на следование прежним курсом в назидание не давал. Из Фритауна подошли вдобавок две субмарины, «папа» все же прислал помощь, людей грузили и отправляли к Французскому Берегу Слоновой Кости и там высаживали без разбора. На счет загадочной персоны Сэмюеля Керши пока никаких указаний не поступило, даже ни полсловечка. И тут, шестнадцатого сентября сорок второго года, в 12.32 по местному времени случилось невообразимое. Хартенштейн даже представить себе не мог. Германцев, понятное дело, сейчас нигде не жалуют. Но он по совести вывесил флаг с Красным Крестом на мостике, сам торпедировал, сам и спасает, если разобраться. И на тебе! Вдруг в небе – парочка «либерейторов» со звездно-полосатым квадратом на боках, грязная американская тряпка, им-то чего надо? Оп-ля! Без всякого «здрасьте» в подарок четыре бомбы, еще разворот – еще две. Один, второй перископ к чертям. Хартенштейн уже и не ругался, не будь дурак, ждать не стал. Отработать погружение и отход. А пленные? Пес с ними, с пленными. Вернер отдал приказ прекратить спасение. Опять же на это есть специальное пра-

вило. Сначала задание и собственная безопасность, а после все остальное. Вот пусть теперь американские арлекины отдуваются. Хартенштейн отвернул к югу. Починиться можно и на ходу. А там – лишь бы добраться до своих, до предполагаемого района действий близ Кейптауна.

К его удивлению, самолеты не отставали. Лодка уже уходила на глубину, а бомбы продолжали рваться одна за другой, атакующих не было видно, перископную отметку давно прошли, зато ударная волна зацепила, и в носовом отсеке теперь течь. Но и это ничего, команда скоро ликвидирует аварию. Однако вот что странно. С оставшейся на месте катастрофы, соседней «U-507» старый дружище Харро Шахт (вместе получали третий ранг) передал предостережение. Похоже, чертовы американцы целенаправленно охотятся именно за ним, Вернером, потому что ни одна субмарина более не подверглась нападению. Шахт вывесил даже партийный штандарт, чтоб раздражить и оттянуть на себя, но его проигнорировали. Определенно «либерейторы» интересовались только лодкой Хартенштейна.

Мысли о мести за торпедированный пароход Вернер отменил сразу. Да и глупо топить судно, ведущее спасательные работы, к тому же с американцами он уж успел познакомиться. Без явной выгоды и от бесшабашности они не стреляют, те еще вояки, их военно-воздушный флот – сплошное недоразумение. Тем более чтобы охотиться на лодку, до которой им нет никакого прямого дела. Но его, Хартенштейна, имен-

но что хотели утопить. Не подбить, не заставить просить пощады, а пустить безвозвратно на дно. Спрашивается почему? А потому. Он, Вернер Хартенштейн, капитан 3-го ранга доблестного кригсмарине тысячелетнего рейха, далеко не дурак. Оттого понимает – на борту есть нечто такое, что если нельзя добром отнять, то нужно непременно уничтожить. Только не было ведь, не было ничего! То есть никого, кроме вот этого самого полудохлого англичанина, тихо бредящего в лазаретном отсеке. И тот, кто стрелял в таинственного британского лейтенанта, вполне мог разглядеть, пронюхать издалека, благо на спокойных водах обзор хоть куда, и узнать, где нашли приют раненый офицер и его спаситель. На то и разведка. Господи, кого же он выловил ненароком, на беду или удачу? Пока трудно сказать. Но ясно одно: теперь этого парня надо беречь, как родную престарелую матушку. Он, Хартенштейн, собственноручно спустит с доктора Линде десять шкур, если англичанишка вдруг загнется! Однако «либерейторы» вскоре отстали, то ли бомбы до конца вышли, то ли горючее. Капитан Хартенштейн отдал приказ лечь на заданный курс. Впереди его ждал Кейптаун.

Они уже подходили к нужному квадрату, держали устойчивую связь, и в перископ был пойман выпел подводного танкера их группы. Подразделение «Айсбэр» отдельного назначения. Но и в нем субмарина «U-156» занимала особенное положение. Всего лишь следовала до места операции, в бой Хартенштейну велено было не вступать, дозаправиться

и идти дальше согласно секретной инструкции. А куда, вот после и узнает, пакет он должен вскрыть лишь после прибытия в район и вдобавок испросить на то разрешение и подтверждение. Хартенштейн загрузил топливо, дал о том радио, в ожидании ответа отправился на танкер выпить по-приятельски стакан-другой отменного коньяку. Старая ли-сица Курт заманил к себе, утверждая, что первоклассный французский, а бутылку берег от самой базы в Лориане.

Через час Хартенштейн, взбодрившись телом и духом, вернулся к себе на борт, где его уже поджидал Мельман с таким выражением лица, какое бывает у средневекового рыцаря после встречи в глухом лесу с таинственной Белой Дамой. То есть с выражением растерянно-недоуменным.

– Чего? – коротко спросил его Вернер и тут же ощутил, как приподнятое настроение самым предательским образом покидает его облагороженную коньяком душу.

– Разрешение получено. И вот еще... – помощник протянул радио с пометкой «совершенно секретно». – Отто ошибся или сошел с ума.

Отто, шифровальщик-радист, жизнерадостный весельчак и скалозуб, не ошибался никогда и свою работу знал на совесть, с ума ему тем более сходить было незачем.

– Хорошо. В мою каюту. Там разберемся, – приказал капитан Мельману.

Прочитав радио, Вернер уже не знал, браться ему за голову или за иное какое, противоположное ей, место. Указание

было предельно четким и загадочным одновременно. Спасенного лейтенанта взять с собой, без обозначения его персоны где бы то ни было в судовых документах, по пути следования из отсека пленного стараться не выпускать из отсека, однако без насилия, в разговоры ни в коем случае не вступать и по прибытии передать гауптштурмфюреру Ховену лично на руки, а тот уж сообразит, что делать дальше. Попутчика расстрелять и тихо утопить, сей акт тоже нигде не фиксировать. Бред, да и только. Хартенштейн переглянулся с помощником.

– Ты что-нибудь понимаешь?.. И я тоже – нет. Кто такой этот Ховен?

– Видимо, старший службы безопасности там, куда мы следуем, – растерянно предположил помощник Мельман, утирая вспотевший от духоты лоб.

– Там, куда мы следуем. А куда мы, собственно, следуем? – сейчас только Вернер сообразил, что до сих пор еще не вскрыл секретный пакет. Пришлось вставать и лезть в личный сейф. На два ключа. Его и помощника. Повернули на раз-два-три, резко и неприятно щелкнуло железо. Серый плотной бумаги конверт, казенная печать. Прочитали, чтобы совсем уже обалдеть.

– Как это понимать? Северо-запад антарктического побережья. Код для связи. Связи с кем? С пингвинами? – Хартенштейн сам не заметил, как перешел на злобный крик. И напрасно. Помощник, и без того слегка туповатый, офона-

рел не меньше его самого.

Прошло еще немного времени. Плюнув на собственные принципы, Вернер все из того же сейфа извлек бутылку чистого, как слеза, шнапса. Выпили по-походному, не закусывая. Немного посидели в тишине. Не от того, что нечего было сказать, а именно потому, что в огромном количестве возникшие ругательные тезисы не могли найти себе выхода и задыхались в толчее.

– Ладно. Прибудем на место, увидим. Не думаю, чтобы папа Дениц затеял столь невозможный розыгрыш. У нашего адмирала вообще с юмором туго, – произнес наконец Хартенштейн, прихлопнул вскрытый пакет ладонью. – Ты сам позаботься об этом Рейли.

Не то чтобы он, Вернер, не желал марать руки, а хоть бы и не желал, он не расстрельная команда и не «Мертвая голова», но Мельману при всей его старательной военной косности легче будет отдать приказ. Впрочем, помощник его даже не покривился, только кивнул.

– Дурак этот Рейли. Кого спасал, тот его и погубил, – бросил помощник Мельман, уходя.

– Он сам себя погубил. Дай бог, чтобы и с нашими предателями на вражеской стороне поступали так же, – на всякий случай нравоучительно сказал Вернер.

Грязное это расстрельное задание обер-лейтенанту Мельману вовсе не доставляло удовлетворения. Но как раз сейчас опять проявилась одна из особенностей его нескладно-

го, неудачливого сложения, характера. Брать на себя добровольно чужое дерьмо. Пусть его считают тупым прусским сапогом и деревянным служакой, напротив, он обладал слишком острой чувствительностью к людским настроениям и обстоятельствам. В такой степени, что всегда было ему стыдно, когда он видел людей, окружавших его, образно говоря, насквозь. Вот и сегодня – воспринял настроение шефа, будто он сам переживал возможность отдачи пакостного приказа. Гадливость и намерение любой ценой держаться подальше. И снова Мельману сделалось неудобно и не по себе, словно в замочную скважину он подглядел, как начальник его испражняется в галюне. И снова безропотно согласился выполнить нечистое дело, избавить другого, еще и острил при расставании, чтобы капитан Хартенштейн не догадался, будто его помощник способен на тонкую чувствительность. Тем и жил до сих пор, заслонялся от суда сослуживцев этой выдуманной, непробиваемой толстокожестью, оттого были и взятки гладки. Каждый ведь говорил себе: «Мельман, а что Мельман? С него как с гуся вода. Он не ведает даже, что творит, потому, когда Бог раздавал людям человеческое, ему по ошибке досталось дубовое. Такой вот неудачник». На него никогда не сердились, а, напротив, жалели по случаю. Правда, в карьере далеко не ушел. Сорок пять, обер-лейтенант, эполет с одной «шишечкой» и без бахромы. Почему-то «без бахромы» получалось зазорным, особенно приставка «без». И к чему указывать это в табели о рангах? Нет бахромы

и черт бы с ней! А так получалось, что в его обер-лейтенантском достоинстве присутствует нечто оскорбительное и увечное, будто не удостоили. Даже для простого лейтенанта не столь обидно, ибо сказано: его погоны «чистые из двух серебряных прядей». Одно слово «чистые», но какой смысл! А тебе «без бахромы»! Без сердца и без перспективы. И в придачу сегодняшний расстрел. Он уже так много принял на себя чужого греха, что даже не переживал по этому поводу. То есть, конечно, переживал, но как-то обыденно, заученно, как приступ малярийной лихорадки, который терзает и мучает, но про который наперед знаешь – он неминуемо пройдет.

Да только на сей раз вышло все не так, как всегда. Наверное, от того, что обманно вышло. Если, скажем, пустил пулю в лоб врагу, или особенно если он из русских, которых топили недавно в северных морях, то здесь иное дело. Эти коммунисты и советские, они так смотрят в упор, словно ждут твою пулю как родную, и ничего им не жаль, ни себя, ни тебя. Случись Мельман на их месте, они бы не призадумались. А глаза, глаза! Ведь отражается в них не лицо того, кто наводит готовое полыхнуть огнем оружие, видят только вместо этого поганую рожу. И от того не выстрелить, значит, опозориться и дать слабину. Это как дуэль, где у одного пистолет, а у другого – не менее смертельная ненависть, и кто кого!

А ведь парнишке честно обещали. Уже тем самым, что подняли на борт и одежду дали сухую, хоть и не бог весть какой свежести. Кормили и содержали вместе с механиками,

все равно те по-английски ни бум-бум, молодые и зубоскальные сорванцы, он им вроде и помогал в чем-то. Теперь лейтенанта Рейли приказано за борт. И не просто за борт. Для начала пулю в лоб, чтоб уж точно не всплыл нигде и никогда. Мельман расстрелял его лично, и правильно, нечего разлагать команду. Он – помощник капитана и должен следить за нравственным состоянием вверенных ему людей. Даже наверх не взял с собой никого. Да и куда бежать парнишке? В шварцваальдском лесу они, что ли? Зато на сей раз Мельман понял и увидел, как именно чувствует себя обычный человек перед насильственной смертью. Скверное это состояние. Он еще оружие толком не достал, а уже от парнишки пошел такой страх, что Мельмана стало тошнить. Не потому что противно, а будто сам его переживал. Бедный лейтенант Рейли, незадачливый предатель, да и предатель ли? Ну-ка попробуйте из интендантской службы, где выдавал по списку госпиталям клистирные пробирки, – и под торпеды, да в воду, где мало шансов, если не знаешь, как себя уберечь с честью. А Рейли не знал, вот и схватился за свой спасательный круг. Выжить любой ценой. Не то чтобы трус, только не его это война. Есть на свете такие люди, для которых любая война, хоть за свой клочок земли, хоть за родных детей, а все равно – не его. Они не виноваты, просто их сотворили из такой глины, и баста. В мирное время офицер Рейли владел вместе с отцом велосипедной мастерской. А Мельман – офицер вермахта в третьем поколении, прусская косточка. Потому это

он расстреливает Рейли, не наоборот. Так стало тошно, что даже до борта не довел, спустил курок, потом матрос-ефрейтор Зидер, кроя на чем свет стоит герра старшего помощника, оттирал лужу. Когда голова вдребезги, кровящи – разве ведрами носи. Но так лучше, сразу, чтоб не мучился. Чтоб умер с чувством растерянности и несправедливости. Чтоб этот лейтенант Рейли не успел себе ответить «почему?» и, найдя ответ, не обделался, стоя на обессиленных ногах от неотвратимости и личного ничтожества, совсем уже жалким образом. А Мельман спрятал пистолет и пошел себе. Что он уносил с собой внутри, так это его дело и никого оно никак не касается.

Перед глазами плыл свет. Призрачно слабый, вовсе не небесный, но и не земной, а будто домашний абажур специально обернули полупрозрачной цветной бумагой. Голова болела адски, но он держался, не закрывал глаза, хотя от потустороннего света уже текли слезы, и злые, короткие рези пробегали под веками. Если зажмуриться, то удастся ли снова заставить себя видеть? А может, ему все еще снится дурной сон? Черная вода, и шар земной, вдруг завертевшийся волчком, он смотрит сверху и не понимает, падает ли вниз, или возносится над ним. И мокрая прохлада, которую чувствуешь даже в беспамятстве. Да и сон ли это был? Вспоминалось плохо, наверное, оттого, что больно было вспоминать. В конце концов, Сэм все же сдался, потому что болезнь не спросила его, съела со всеми усилиями, и он заснул уже

по-настоящему. Теперь это был самый обычный сон, со сновидениями, отрывочными и нестойкими. Он начинал потихоньку выздоравливать.

Когда он снова очнулся, вернее, уже можно сказать, когда он снова проснулся, перед ним мерцал все тот же свет. Но и Сэм уже видел, что это не абажур и не внеземное сияние, всего лишь тусклая, грязноватая лампа под железным потолком то ли в тюремной камере, то ли в бункерном бомбоубежище.

– Дайте пить, – попросил он, пробуя голос и с трудом подчиняя себе заиндевевший язык. Не то чтобы хотел он пить, а только бы сказать и тем вернуться к бытию. Впрочем, просьба его была самая естественная.

– Битте, – ответили рядом неприятным каркающим звуком по-немецки, это очевидно. Но благо уже то, что его поняли.

Сэму приподняли голову и поднесли к губам алюминиевую солдатскую кружку. Германский госпиталь, наверное? И тут он вспомнил как следует все, с ним произошедшее. И Бейсуорта, и его офицерский браунинг, скорее всего трофейный, и свою попытку к побегу и сопротивлению, совершенно безуспешную, и боль, и падение, и последующее безумие. Но почему немцы? Или не немцы? Теперь он нарочно обратил внимание на лицо, склонившееся над ним, усталое и с щетиной, но будто бы обрадовавшееся ему, Сэму. Форма, уж точно германская военно-морская, китель, а под ним гряз-

новатая рубашка в неопрятных потеках, вдобавок запах карболки, смешанный с медицинским спиртом, принятым явно вовнутрь.

– Вы говорите по-английски? – спросил Сэм на всякий случай.

– О да, говорю немного, – с сильным звенящим акцентом ответил небритый и, надо же, улыбнулся. – Вы помните, кто вы и как вас зовут?

Сэм подумал самую малость и решительно, насколько уж смог, ответил:

– Помню. Я Джон Смит. Подданный его величества короля Георга... – он закашлялся.

– Вообще-то вам нельзя еще разговаривать, – небритый как-то ехидно ухмыльнулся: – Мистер Джон Смит. Пусть так. Это не мое дело. А ваше – пить, есть, спать и просить утку.

– Где я? – все равно спросил Сэм. Отныне он – Джон Смит, и сей незванный брат милосердия может тем и подавиться.

– На борту. Подводная лодка, тип IX-C, имперского кригсмарине. Следуем в открытом море по назначению. И вы пока следуете вместе с нами. Ни о чем не тревожьтесь. С вами приказано обращаться в высшей мере хорошо, Джон Смит.

Сэм счел за благо закрыть глаза, чтобы прекратить разговор и выразить покорность, хотя на самом деле он и не думал спать. Его, видимо, подобрали. Полуживого и раненого, и,

судя по его ощущениям, раненного достаточно серьезно. Но почему? Нет, даже не почему, а зачем? Он понял сразу: этот щетинистый любитель спирта не поверил ему ни на грош, а может, уже знал, что никакой он не Джон Смит. И то сказать, документы, разъясняющие его личность, лежали в нагрудном кармане. Но что документы, мало ли! Вдруг подобрал или украл, лишь бы прикинуться офицером и добыть себе привилегированное положение. Ох, не к добру все это. Приказано обращаться в высшей мере хорошо. Только откуда на рядовой подлодке кому-то знать, кто он, Сэм Керши, такой! И какой? Собственно, его вызвали в штаб обороны, а дело-то не разъяснили. Да и дела никакого еще нет. Существует лишь незарегистрированный патент на изобретение, фантастическое и бесполезное, как ему сказали в свое время при отказе. И вообще, он блаженный сукин сын, плюнувший на других толстолобых сукиных детей, отправившийся в Восточную Африку честно исполнять гражданский долг. И он исполнял, тянул под обстрелом связь, заработал ранение в ляжку, месяц не мог сидеть на заднице, но все равно не вернулся в тыл, так и ходил перевязанный, и все быстро на нем зажило, как на собаке. Оттого и есть он сукин сын, и эти германцы, разыгрывающие из себя спасителей, еще убедятся. Его голыми руками не возьмешь. И никакими не возьмешь. Он Джон Смит, и баста. Баста! Кому не нравится, что же, по примеру Бейсуорта залп и за борт. Он не против. Одну смерть уже пережил. А это много. Сэм так обозлился про се-

бя, что перестал различать явь и морок и последнюю злость
донашивал уже в глубоком сне.

*Если больно укушен ты зубом собачьим,
О себе пожалей ты, пес грубый и жалкий!
Ты напрасно грозил мне кинжалом и палкой,
Если силой моей так теперь озадачен.²*

Целых три недели болтался он на лодке, сама же лодка – по морям, океанам, или где там еще? Здесь иллюминаторов нету, только перископ. А кто его пустит к перископу, скажите на милость, тут и в галюн Сэма чуть не под ручку водил снулый добряк Эрнст, его преосвященство судовой доктор Линде, вечно полупьяный субъект, в кармане фляжка и кавардак в голове. Всего единственный раз он видел капитана – зашел офицер, из себя важный, по-английски, правда, знал пару слов. Спросил, нет ли жалоб, Сэм его послал к рогатому в пекло, но капитан не обиделся, а может, не понял, и опять спросил, уже имя и звание. И получил ответ. Все тот же – Джон Смит, про звание даже и упоминать не стал. Однако капитан не высказал удивления, не обозлился вовсе и не стал уличать Сэма в явной лжи. А документы-то его фьють! Улетели! Значит, изъяли и прочитали. Но видно, капитану Хартенштейну было наплевать, пусть Джон Смит, его морскому походу это обстоятельство никак не мешало. Да и не тянул

---

² Дж. Бруно, «Избранное», в переводе М.А. Дынника.

Сэм на диверсанта или строптивного злоумышленника, он и ходил еле-еле. Проспиртованный хрыч Эрнст объяснил, что болеть ему долго, и надо радоваться, если выйдет без осложнений: всякая там глухота, отсутствие координации и много чего подобного бывает при таких ранениях. Кормили Сэма ну просто на убой. Доктор Линде, как родная мать, квочкой стоял над душой, уговаривал словно маленького – еще ложечку. Сэм было намекнул ему на фляжку, что неплохо бы поделиться, Линде прикинул в уме, видно, распить в компании показалось ему соблазнительным. Но загрустил, одумался и решительно все же отказал. Пока не время, здоровье его сомнительно, надо потерпеть. Больше никто с Сэмом вовсе не разговаривал и к нему не приходил. На лодке, конечно, толчая, но Сэма сторонились даже и по дороге в галльон как чумового. А может, и не сторонились совсем, скорее всего, был приказ не приближаться. И напрасно. Немецкий он знал еще как! Не просто понимал на слух – говорил свободно. Давно, с самого детства, когда по соседству забегал в кондитерскую к толстому Шепке. Днями там ошивался, бывало. И с сыном его Гейнцем дружил – не разлей вода, вместе хулиганили, они же одногодки, и никто тогда не смотрел, кто немец, а кто еврей. Да и валлийцы тоже сами не первого сорта, Сэм ведь из Кардифа, о таких и говорят, мол, деревенщина. Но про немецкий он до поры молчок, под дурачка, может, кто ненароком о чем и проговорится. Пока, однако, ничего существенного он не узнал. Линде даже по-

нятия не имел, куда идут и зачем, но он, конечно, всего лишь штатный лекарь. А старшие офицеры, которым знать было положено, в сторону лазарета более не забредали.

Правда, кое-что Сэму вычислить удалось. Температурный режим. На лодке явственно ощущался холод, все время по нарастающей, так что стали даже подтапливать, Сэму было пожаловано теплое белье и второе одеяло. Шли теперь не на глубине, вообще не погружались в последние недели, поверхность шли, и, кажется, с погодой все обстояло не совсем благополучно, тащились, как сказал Эрнст, на половинном двигателе малым ходом. Значит, курс держали на север. Это-то и странно. Если район Северной Атлантики или дальше на Норд-Кап, то почему без погружений? Ведь там кишмя кишат британские родные эсминцы, и американские крейсера забредают с конвоями, дальше русским союзникам палец в рот не клади. А тут – не торопясь, словно на променаде в Гайд-парке, тихой сапой в беспокойном море, когда, казалось бы, нырнул – и нет проблем. Впрочем, Сэм не моряк и тем более не подводник. Он вообще на лодке первый раз, никогда до сей поры и близко не подходил, не то чтобы сунуться внутрь или прокатиться пассажиром. Но капитану Хартенштейну виднее, коли сдуру наскочит на вражеских охотников, так ему и надо, зато у Сэма будет шанс выбраться, если, само собой, он не потонет заодно с лодкой и экипажем.

И как-то вдруг в один прекрасный день, а может, вечер, пойди разбери, время считать здесь бессмысленно, лодка ход

застопорила. Все, приехали, пришли, приплыли. Теперь и Сэму разрешат наверх, не держать же его здесь, словно в карцере. Он сначала маялся от нетерпения, хоть на допрос, хоть куда, осточертело в железной банке. Но Линде его никуда не пускал, говорил, нет на его счет никакого приказа, и тоже маялся сам и мечтал выбраться поскорее. И гадал вслух, чего-то там, на вольном воздухе? Стало быть, Эрнст тоже не знал ни черта, но вид делал какой-то загадочный. А чего гадать? Военная база, скорее всего, Норвегия, порт, краны, доки, ругань и охрана с собаками. Сэм это для себя так именно представлял.

На лодке пришлось просидеть еще целый день, не меньше. Пока лично капитан не пришел его освободить. Принес куртку на меху, такие же штаны и шапку и пуховые носки, кивнул, чтоб одевался. Дружелюбно, впрочем, кивнул. И тут Сэму все окончательно осточертело. Не было смысла валять дурака, наоборот, пора прекращать из себя корчить глухонемого.

– Спасибо, – по-немецки, хоть и с корявым произношением сказал, зато понятно, – за все. Жаль, что придется расставаться. С вами было не так-то плохо.

Капитан не очень и удивился, видно, ждал от Сэма порядочного подвоха. А вот Линде от потрясения остолбенел и после выругался, какого разэтакого Сэм морочил ему голову и заставлял ломать язык, если так здорово чешет на немецком. Потом, правда, заулыбался, протянул заветную фляжку.

ку. Сэм не будь дурак, не побрезговал, когда-то еще нальют, да и нальют вообще? Оказался препоганейший коньяк скипидарного вкуса.

– Мы не расстаемся, – сказал ему вдруг Хартенштейн и невесело усмехнулся. – Похоже, мы с вами здесь надолго, – и вышел прочь.

Сэм оделся, даже без посторонней помощи, Линде передал его из рук в руки блондинистому матросу, тоже облаченному во все теплое, развел руками:

– Уж простите, сопровождать не могу. У меня тут дела. Когда увидимся, еще непременно выпьем, – и похлопал себя по карману с фляжкой.

«Да ни за что! – подумал и чертыхнулся от души Сэм. – Чтоб эту отраву еще раз! Уж лучше пусть Эрнст достанет чистого спирта, иначе не видать ему компании как своих ушей».

Он вышел на мостик и немедленно зажмурил глаза. Не потому, что солнце, как раз в воздухе висела плотная туманная дымка. Но голый снег вокруг, ледяные немыслимо гигантские глыбы, словно в обители циклопов, ослепительно белые, без грязи и копоты. Он столько дней при скудном электрическом освещении, когда и побриться толком нельзя, а тут простор и день. Из-под ресниц немедленно потекли слезы, Сэм припомнил, как читал о куриной слепоте, и закрыл лицо руками.

– Возьмите, – раздался знакомый голос над его ухом.

Кажется, это капитан что-то протянул ему на ладони. Сэм приоткрыл один глаз, дабы рассмотреть предмет, и когда уже взял, понял – обычные очень темные очки, какие носят слепые шарманщики, только и разницы, что с большими мотоциклетными стеклами, их еще именуют для насмешки консервами. Настоящий полярный инвентарь. Сразу ему сделалось легче, и он смог смотреть.

Порта никакого не было. Вообще. И ничего не было. В смысле человеческого присутствия. То есть люди-то вокруг него как раз наличествовали во множестве, сустились и трудолюбиво сновали туда-сюда, словно муравьи. Но – только поблизости от лодки на самом берегу, и ясно делалось, что присутствие это их временное, будто капитан Кук высадился на необитаемый остров, и тот остров сам по себе, и Кук сам по себе, а вовсе не зашел к кому-то в гости. Пейзаж был совсем уж странный. Неземной пейзаж, разве только для дикого Севера. Правда, такого севера Сэм никогда не видел, даже в кино. Первобытная, буйная нетронутость, монументальная чрезмерность форм, лишний случался здесь человек, и его железная лодчонка тоже лишняя. Это явно была какая-то земля, а не просто льдины и айсберги, бескрайняя ледяная пустыня, и что им здесь? Нет тут ничего, и ума не надо, чтобы это понять.

– Это – Крайний Север? – на всякий случай спросил Сэм у капитана, пока тот не отошел.

– Нет, лейтенант Смит, это не север, это – крайний юг, –

ответствовал Хартенштейн, и надо ли говорить, насколько Сэма поразил его ответ.

– В каком смысле? – он не прикидывался глупее, чем есть, а вправду не понимал.

– В самом буквальном. Земля Королевы Мод. Добро пожаловать на антарктическое побережье, лейтенант! И я вместе с вами! – со злобной бравадой провозгласил капитан Хартенштейн.

– Какого дьявола..? – вот и все, что нашелся сказать, точнее, прохрипеть, Сэм.

– Понятия не имею, – искренне сознался ему капитан. – Зато вы отныне совершенно свободны. Можете даже сбегать. Если знаете куда. Но лучше пожалуйста со мною в шлюпку. Здесь вам делать уже совершенно нечего. К тому же вас ждут.

– Кто ждет? Где? – Он по инерции задавал вопросы такие же бессмысленные, как само его присутствие на сказочном континенте, но ничего не мог поделать. Это даже не было из любопытства, а скорее по нужде, чтобы вернуть себе реальность происходящего.

– А во-он там! – Хартенштейн указал затянутой в перчатку рукой в сторону суши. – В санях. Вас ожидают. Я уж радио дал. Велели сдать в распоряжение некоего Марвитца для передачи гауптштурмфюреру Ховену.

– Здесь и гестапо есть? – с ехидной подковыркой спросил Сэм.

– Не знаю, но, видимо, что-то такое имеется. Хотя вряд ли гестапо. Не для кого здесь гестапо. Так я думаю, – признался ему капитан.

– Да что это за окаянное место? – вдруг закричал в полный голос Сэм.

– Тише, не орите, тут далеко слышно. Впрочем, слушать некому. Что за место, интересуетесь? Многого я не скажу, а знаю только одно. Здесь, то есть не конкретно здесь, а неподалеку – сверхсекретный объект особого назначения. База 211.

Капитан лично сопровождал Сэма на берег в надувной шлюпке и, пока они переправлялись, все время молчал. Сэм ничего и не спрашивал, капитан и так, что знал, уже сказал ему. К тому же он не мог не понимать: Хартенштейн поперся сейчас именно с ним вместе не от дружеского расположения, но от того лишь, что Сэма требовалось передать официальным образом, а до тех пор держать поблизости.

На берегу в это время суета уже прекратилась. Да и была она, по правде говоря, чисто условной. Экипаж вышел поразмять ноги, заодно вытащить на белый свет кухонные бачки и какие-то тряпки и брезенты для проветривания, никто же не собирался всерьез разгружаться и обустроиваться на безжизненном побережье, приказа такого не было. Однако судовой повар, пока суд да дело, накрывал потихоньку столы. То есть какие столы – просто на ломкий, промерзший брезент горкой ставились миски, резанный хлеб и фляги со

шнапсом, открытые банки фасоли и шоколад, а рядом – укутанный круглый чан с тушеным мясом, последний запас, и кок уже приготовился разливать тягучий картофельный суп из бачка.

Поодаль стояли двое мотосаней, из одних бородатый, как леший в сказке, громоздкий человек тащил черный массивный футляр и какие-то железные палки. Из вторых саней не доставали ничего, хотя загружены они были изрядно непонятными стальными коробками, Сэм угадал в них специальные непромокаемые контейнеры. Наверное, их принесли сюда с лодки.

Бородатый тем временем установил свои палки, которые оказались всего-навсего переносным разборным стулом, и теперь на сиденье возился с черным футляром, при ближайшем рассмотрении – патефоном довольно старой модели. А после, закончив хлопоты, бородатый помахал рукой капитану, будто сообщая, что у него все уже готово.

Хартенштейн прокричал команду – какую, Сэм не разобрал. Но экипаж, к этому времени в полном составе прибывший на берег, включая и доктора Линде, быстро построился в одну линию. Сэм никуда, конечно, не пошел, так и остался рядом с капитаном, хотя как-то неуместно ему получалось стоять. Будто он тоже, подобно Хартенштейну, принимает построение вверенной ему команды, а ведь Сэм был лицом абсолютно посторонним. Но Хартенштейн его не погнал, сделал вид, что не замечает, и Сэм остался. Он к то-

му же чувствовал себя неважно, и рана еще давала о себе знать, ходил он сегодня необычно много и долго, и свежий воздух кружил голову до тошнотворной дурноты. Очень чистый, очень резкий и холодный воздух – Сэм никогда такого не пробовал и немного теперь задыхался, будто на него обрушили водопад из благовонных духов.

Патефон заиграл «Хорста Весселя», ему нескладно и фальшиво подпевали, но подпевали с видимым энтузиазмом, даже и Линде, менее всех похожий на ревностного нациста. Только бородатый не пел, а будто стоял на трибуне, хотя и в стороне, и невидимо для всех дирижировал этим ослиным ревом патриотов, кажется, получал удовольствие. Но скоро гимн кончился, и весь экипаж до последнего матроса кинулся к брезенту. Хватали миски и спешили за супом и мясом, аромат пошел такой, что перекрыл даже благоухание воздуха, и Сэм сглотнул слюну. Он тоже вдруг до чертиков захотел и говядины, и супа, и шнапса, и всего, чего угодно, что только можно немедленно съесть. Впрочем, сам капитан, позабыв о командной сдержанности, направился в сторону соблазнительных запахов, так что Сэм, не теряя достоинства, с полным правом последовал за ним. И получил и шнапсу, и супу, и даже целую банку зеленой фасоли – пальчики оближешь, какая вкуснотища! Капитан не пожалел, сказал, что ему как выздоравливающему полагается. Ели все стоя, и Сэм после второй порции шнапса с трудом оставался на ногах. Нет, он не был пьян, отнюдь, но слабость

от питья и обильной еды охватила его до мелкого дрожания в коленках так, что Сэм даже вспотел. А ведь не меньше двадцати градусов ниже нуля, прикинул он про себя, но все равно его кидало в жар. Капитан тоже заметил его состояние, что-то сказал ближайшему к нему офицеру, который немедленно отошел, и скоро к Сэму подбежал матрос с тем самым железным, под патефон, стулом, жестом показал, чтобы сел. Сэм с готовностью опустился на холодное сиденье, и ему сразу же стало легче.

Сколько он так просидел, он не знал и, кажется, стал даже дремать, немного замерзая на потянувшем вдруг с берега ветерке. Но заснуть ему не дали, кто-то тронул за плечо и растормошил. А после он услышал над собой голос капитана:

– Лейтенант Смит, вам пора, – и дальше выжидательная пауза. – Надо ехать.

Сэм нехотя поднялся. Пред ним стояли рядышком Хартенштейн и тот бородатый верзила, что придумал затею с хоровым пением.

– Надо так надо, – согласился Сэм, его подчинило сытое благодущие, он даже не стал выяснять, куда ехать и зачем.

– Вы – со мной, – сказал ему бородатый низким, густым голосом, – а вы, капитан, поедете с Бруно в других санях, – и закричал в сторону: – Эй, Бруно, старый пень, довольно дрыхнуть!

Из нагруженных мотосаней вдруг поднялась укутанная в нечто вроде огромной облезлой шубы низенькая фигура, ко-

торуую поначалу Сэм принял за неодушевленную грудую тряпья, и сипло закричала в ответ:

– Чего орешь, чертов ты медведь? Я давно уже не сплю! – и рухнула обратно в сани.

– Как же, не спит он! – бородатый загоготал. – Это наш радист, Бруно Геделе, он дрыхнет, даже когда ест! Но что делать? Работы у него мало, а чужую исполнять он не мастак!

Бородатый усадил Сэма поудобней, не пожадничал, выделил меховую полость прикрыться от ветра в движении. Капитан втиснулся между Бруно и стальными контейнерами, ехать ему предстояло с куда меньшими удобствами. И двое мотосаней приготовились к старту.

– Вас как, между прочим, зовут? – поинтересовался Сэм у бородатого. Едут куда-то вместе, хоть бы представиться друг другу. И вообще этот верзила показался ему весьма интересным.

– Хотите познакомиться? Это пожалуйста. Имя мое Герхард Иоахим Марвитц. Но местные кличут просто Медведь. Вы тоже можете, если есть охота, – и Марвитц-Медведь вопросительно посмотрел на Сэма.

– Джон Смит, – с нажимом в каждом звуке произнес Сэм.

– Пусть Смит, – усмехнулся из бороды его визави, видно, он тоже успел узнать, кто такой Сэм на самом деле. – Что же, будем знакомы. Но надо поспешить, сдается мне – начинается метель.

Сани тронулись, резко рванувшись с места. Ветер и шум

двигателя сразу же пресекли разговоры. И Сэм скоро понял, какое спасение – это меховое покрывало на открытом, продуваемом насквозь пространстве. Куда именно они ехали, кстати, с вполне приличной скоростью, трудно было сказать, но по дороге, если так можно определить сравнительно ровное пространство, по которому они неслись, то и дело попадались вехи. Длинные палки с красными флажками на остриях, сильно замеченные снегом, причем по следам вокруг было ясно, что периодически их откапывали и ровняли. Как раз этих вешек они держались в пути. А через полчаса выскочили на ледяной пригорок, откуда, как со смотровой вышки, Сэм уже разглядел невдалеке несколько ровных рядков белых прямоугольных домишек, какие-то цистерны, хозяйственные площадки, высокую мачту радиостанции и крошечные точки копошащихся внизу человеческих фигурок. Не успели они спуститься с пригорка, как вдруг из-за сугроба, сбоку и наперерез, выскочил красавец серебряный волк, тьякнул, подпрыгнул вверх, словно ловил что-то в воздухе, перекувыркнулся от восторга и дальше побежал вровень с санями, то и дело оглядываясь на сидевших в них людей. Сэм от изумления не выдержал и закричал. Так громко, что Марвитц его услышал и обернулся.

– Волк! Смотрите, настоящий волк! Не может быть! – вопил Сэм и не понимал. Какие в Антарктиде волки? Ладно, если пингвины и альбатросы в прибрежных районах, и еще всяческая морская живность! Что-что, а зоологию Сэм еще

со школьной скамьи помнил относительно неплохо и уважал, как науку. А тут живой волк. Поневоле закричишь. – Разве здесь водятся волки?

– Здесь много такого есть, чего вам и не снилось! – закричал очень весело в ответ Марвитц, почти цитируя Шекспира, и загоготал. Видно, он это любил – потешаться на чужой счет.

А волк словно понял, о чем говорилось в санях. Тоже запрыгал в воздухе, творя необыкновенные кульбиты, и все время оглядывался на Сэма, будто эти волчьи выкрутасы предназначались персонально для него.

Тем временем сани влетели на некое подобие площади – ровный четырехугольник, чистый и укатанный до кремниевой тверди, а там уже скопились люди, не слишком много, может, десятка два. Вскрикивали, показывали на Сэма, на капитана, видно, новые и незнакомые лица их взволновали. Первый выскочил из саней Марвитц, и волк, крутившийся тут же, поблизости, вдруг кинулся к нему на грудь, встал на задние лапы во весь рост, завилял хвостом. Только сейчас разглядел Сэм, какой этот волк огромный. Волчище, а не волк, и шкура чудная, серебряная, зимняя. Марвитц, однако, фамильярно схватил животное за шкурку, будто котенка, опять загоготал, подмигнул и, как если бы волчище этот смог его понять, прикрикнул:

– Ну, кончай шута корчить! Не то смотри, я коньяку добыл, с тобой не поделюсь! – и оттолкнул зверя от себя.

Вокруг дружно захохотали. Видно, волка в поселке не боялись совсем. Сэм решил, что, наверное, тот очень ручной, или взят за какой-то надобностью из цирка, или возит те же сани вместо собак. А про коньяк вышла забавная шутка, хотя кто его знает, этого Марвитца, может, и впрямь спаивал зверя. Говорят, к примеру, обезьяны очень любят пиво.

Но волчище словно понял угрозу, и понял всерьез, тут же пулей метнулся за ближайший домик, подняв фонтан снежных брызг, и там пропал. А Марвитц тем временем обратился к Сэму:

– Эй, Смит! Вылезайте, приехали. Дальше поезд не идет, это конечная остановка. – И сверкнул улыбкой из бороды: – Дайте-ка я вам помогу.

– Спасибо. Что-то я приустал немного, – виновато ответил Сэм, опираясь на здоровенную ручищу, дружелюбно протянутую ему бородатым Медведем. Ведь вот и прозвище у этого Марвитца подходящее, действительно, этакий бурый лесной царь, каштанового цвета густые волосы и круглые, ореховые глаза, а зубы – что твои патроны в обойме, такие ровные и удлиненные слегка, как у акулы на картинке.

– Отдыхать-то еще рано. Вы уж потерпите. Сейчас вас отведу, а там, если будете молодцом, то скоро вас отпустят баиньки, – напутствовал его Марвитц, жестами изобразив, как укладывает голову на подушку, словно Сэм был малое дитя. Но может, из-за того, что Сэм иностранец, невольно так получается, чтобы говорить доходчиво.

Загребая снег ногами, Сэм поплелся за Медведем, а что еще оставалось? Марвитц шагал впереди, однако часто оглядывался и повторял, чтобы был молодцом, и тогда непременно все будет очень хорошо. Они вошли внутрь одного из домиков, стоявшего слегка в отдалении, и ничем, собственно, не отличавшегося от остальных подобных строений. Занятно, от каждого из здешних домишек и по всему периметру были протянуты довольно толстые канаты, все с красными флажками, а от некоторых помещений даже тянулись соединительные ледяные тоннели. Сэм эти подробности отметил еще по дороге, как бы мимоходом.

Внутри было очень тепло, а может, ему только показалось с холода, но меховая куртка сделалась вдруг чрезмерно тяжелой и неудобной. К тому же в домике пространства оказалось мало, слишком тесно и душно. Крошечный предбанник с обтрепанной щеткой в одном углу и цинковым ведром в другом, влево и вправо уходили еще небольшие коридорчики, а прямо – закрытая дверь, в которую и постучал Марвитц, и, не дожидаясь разрешения с той стороны, вошел, оставив Сэма одного в компании с щеткой и ведром.

Подумав немного, Сэм скинул куртку прямо на пол, привалился к ближайшей стенке, на удивление теплой и приятной: домики, поверху обшитые рифленным железом, наверное, внутри были деревянными, стены же фанерные, тонкие, Сэм стукнул в одну – раздался пустой и сухой звук. Постояв недолго просто так и чуть придя в себя, он огляделся, на-

сколько позволяло скудное освещение. Над дверью, за которой скрылся Марвитц, красовалась не то вывеска, не то какой-то герб, Сэм передвинулся ближе, чтобы рассмотреть. Традиционная в общем-то, символика рейха, свастика и дубовые венки, а вот надпись любопытная. Отчеканенная в готической традиции, она гласила: «АННЕНЕРБЕ. 1935». И более ничего, без пояснений. Примерный перевод, какой мог придумать Сэм, все же не самый великий знаток германских наречий, получался вроде «наследства от предков» с допустимыми вариациями. Что-то и где-то об этом он уже слышал. Краем уха и случайно. Что-то связанное с какими-то археологическими раскопками и экспедициями, а может, это было и спортивное учреждение, сейчас Сэм решительно ничего более вспомнить не мог.

Очень скоро дверь распахнулась, и Марвитц вышел, сделал приглашающий жест, как бы предлагая Сэму поменяться местами – ты туда, а я сюда. И попытался опять произнести свое напутствие.

– Знаю, знаю. Быть молодцом, и тогда я отправлюсь баиньки, – перебил его Сэм, кстати, повторил и пантомиму с подушкой, желая подразнить.

Марвитц опять загоготал. Веселый все же дядька, если в такой дыре не утратил юмора. Сэму он чем дальше, тем решительнее нравился.

Но вот внутри Сэму стало вовсе не до смеха. Когда он оказался один на один с совсем другим человеческим ти-

пом. В комнате, довольно просторной по сравнению с коридорами, царил подлинно чиновничий дух. Не хватало только взвода штабных писарей, чтобы дополнить сходство с походной канцелярией. Но и тот, кто сидел за грубым, однако внушительных размеров столом, вполне мог заменить не то что взвод, а и роту, и целый полк делопроизводителей.

Несколько мелкого телосложения, на вид совсем не ариец, темные, прямые волосы, усы, не в подражание фюреру, а тонюсенькая щеточка, почти черные глаза, впрочем, дающие стальной отлив, очень бледная кожа. Взгляд, как шахтерский отбойный молоток, цепкий, тяжелый и сверлящий насквозь. Свитер под горло, грубой вязки и неопределенного серого цвета, в такие же точно переоделись подводники (один, дареный, красовался сейчас на Сэме). А сверху небрежно наброшен расстегнутый мундир похожего тусклого серо-зеленого оттенка. Вот тебе на! В петлице две молнии, значит, СС или гестапо, хотя у тех вроде бы черная форма, но кто их знает. Ведь недаром Хартенштейн предупреждал о каком-то гауптштурмфюрере, да только Сэм запомнил его фамилию. Что влип, так это понял наверное. Тем временем сидящий за столом эсэсовец жестом пригласил его сесть. Сэм недолго думая плюхнулся на ближайший деревянный стул. Их стояло несколько, а еще вокруг несгораемые ящики, и поодаль настоящий большой сейф в углу. А больше в этом подобии кабинета ничего не было.

– Курите? – вместо приветствия спросил тип с молниями

и подтолкнул к нему пачку настоящих американских сигарет.

Сэм уже и позабыл, что это такое. На лодке курить было строго запрещено, да и здоровье не позволяло, и вот сейчас не устоял, потянулся к вожделенному и запретному. Эсэсовец перебросил ему через стол бензиновую зажигалку.

– Позвольте представиться, – начал он казенным, но немного нервным и звенящим голосом, – гауптштурмфюрер Лео Ховен. Бог и царь этих мест, заметьте, одновременно.

– А что? Есть разница? – не удержался от сарказма Сэм, хотя и понимал, что может дорого поплатиться за подобную вольность.

Но гауптштурмфюрер ответил с вполне серьезным видом:

– Разница есть. Как Господь Бог я даю здесь закон, а как царь слежу за его исполнением. И согласно этому закону я вас, лейтенант Керши, должен допросить. Иначе какой я Бог, если не соблюдаю собственные правила?

– Вас скверно информировали. Я – Джон Смит. И никакого Керши я не знаю, – угрюмо откликнулся Сэм, вычисляя, успеет ли он докурить сигарету, или сразу получит по морде.

– Вы думаете, мне есть особенное дело до того, как вы сами себя называете? Пожалуйста, хотите, я запишу в протокол, что вы именно Джон Смит?

Тут только Сэм обратил внимание на небольшой лист бумаги, лежавший перед гауптштурмфюрером. А тот, как фокусник, выхватил из воздуха вечное перо и действительно

написал несколько слов.

– Я даже могу отдать приказ по базе, чтобы вас называли не иначе, как Джон Смит. И даже господин лейтенант Смит или мистер Смит, как вам угодно. Это всего лишь формальность, чтобы не допускать хаоса. В здешних местах его хватает и без нас, в природном, конечно, смысле.

– Пишите, что хотите, – покорно согласился Сэм. Действительно, какая разница, под каким именем его расстреляют.

Лео Ховен вдруг рассмеялся. Нет, совсем не так, как его знакомец Медведь. А очень неприятно, свысока и в то же время с пренебрежением и к собственному смеху, и ко всему на свете. И губы, тонкие и ровно очерченные, растянул не в улыбку, а в щерящийся, как от зубной боли, оскал. Но смех оборвался так же быстро, как и возник, словно пламя высекли из огнива.

– Не надейтесь, не расстреляют, – будто бы прочел его мысли Ховен, – и бить тоже не станут. Некому. Тут люди заняты делом. Да и бить вас, как я погляжу, бесполезно.

– Я думал, вы прошли неплохую школу на коммунистах и евреях, – совсем уже нагло бросил эсэсовцу Сэм.

– Так то евреи! И коммунисты совсем иное дело. Если долго и упорно бить, глядишь, кое-что и выбьешь. У каждого человека есть свой предел. Не захочет, а скажет! Себя проклиная станет, на потолок полезет, на охрану с автоматом, а скажет. Вопрос только во времени. А его не обмануть. Тем

более если оно на твоей стороне.

– А чем же я особенный? – ухмыльнулся Сэм, ему уж и море было по колено.

– Тем, что таких, как вы, лучше сразу ставить к стенке. Потому что вы ж не станете сопротивляться, как все эти сопливые герои, терпеть, крепиться, себя уговаривать, что выдержите, выживете и не сдадитесь. Нет, вы же подыхать станете под побоями-то. От безразличия к себе, а к нам и по-давно. Вот и сдохнете раньше, чем из вас хоть что-то путное выколотят. Я, как вас увидел, сразу это понял.

– Так что? Прикажете сейчас или напоследок еще лишнюю сигарету позволите? – юродствовал дальше Сэм. И то правда, какая разница, вот только одно-единственное последнее удовольствие и осталось.

– Вы про табак? Так берите всю пачку. Берите, берите, и моим охламонам не давайте, им не положено. Перебьются. В секунду все растащат. А это трофейный «Кэмел».

– То есть стенка пока отменяется? – и Сэм дерзко прибрал пачку в карман штанов.

– Вы на редкость догадливый человек, Сэмюель Керши. Уж простите, но я буду называть вас настоящим именем. Такое мое право... Зачем же стенка? Выкину вас на двор на одну только ночь, даже и в вашей полярной экипировке. А наутро будет хладный труп, и все дела. Идти-то вам некуда. Разве что к местным пингвинам. Тут неподалеку их территория, красавцы императоры, может, примут? И будете пинг-

виний царь. На выборных началах, а?

– Согласен и на выборных. Чего ж тогда от меня ждете и не выкидываете? Пустые угрозы – самое глупое занятие на свете.

– При чем здесь угрозы? – в настоящем недоумении возразил Ховен. – Это наши здешние реалии. Чтоб вы поняли, что к чему. Поняли и осознали. Не сразу... Не сразу. Со временем. А оно, как я вам уже сказал, на моей стороне.

Гауптштурмфюрер Ховен еще заканчивал свое наставление, еще произносил оставшиеся слова, а Сэм уже простился с последними силами, которые внезапно и предательски бросили его на произвол судьбы, даже не известив дурной и недомоганием. Просто комната вдруг как бы вздрогнула, стены и шкафы полетели вскачь, заплясал и раздвоился мундир с серебряными молниями, а голова наполнилась до краев колокольным звоном, перемешавшимся с гулким барабанным боем. Сэм понемногу начал сползать на пол, желая удержать равновесие и не дать закружить себя в хороводе пляшущей канцелярской мебели. Но и пол дьявольски завертелся, превращаясь в зыбкое болото, и Сэм понял, что сейчас утонет безвозвратно. И тут сознание его непоправимо исчезло. Надолго ли? Может, навсегда.

Очнулся он все на том же полу, деревянном и неприятно пахнувшем гадостью от дезинфекции, а над ним стоял все тот же Лео Ховен, гауптштурмфюрер этих мест, все в том же мундире, накинутом небрежно, поливал его голову теплой

противной водичкой из эмалированного чайника и укоризненно приговаривал:

– Давайте, давайте, приходите в себя. Здесь военная база, а не союз добродетельных бойскаутов, – и увидев, что Сэм немного очухался, сказал уже совсем миролюбиво: – К пингвинам еще успеете, они без вас тысячи лет управлялись и теперь подождут немного. Вам, лейтенант, сейчас лечиться надо. Спать и есть. С судовым врачом относительно вашей особы я непременно проконсультируюсь. Пока же за вами присмотрит Лис.

– Какой еще лис? Из сказки, что ли? – едва слышно произнес Сэм и немедленно закашлялся от воды.

– Почти. Только не какой, а какая. Лис – это, считайте, агентурное прозвище. А с вас и его довольно, – усмехнулся Ховен. – Сейчас только перенесем вас в отдельное помещение, а после и познакомитесь поближе. Если получится, конечно.

Еще чего! Станет он водить знакомство с агентурой этого пройдохи Ховена, держи карман шире! Решил подсунуть ему бабу? Не на того напал. Небось такая голубоглазая Лизхен с секретным пистолетом под юбкой и слащавым голоском: а не желаете ли в постельку для добровольного сотрудничества? Сэм невольно огляделся вокруг еще расплывающимся взором.

Рядом с ним, с другой стороны, на корточках действительно сидело нечто. Вовсе не Лизхен и вовсе не голубоглазая.

Строгое, немного грустное существо, плотно сжатые губы и неодобрение в раскосых глазах. А может, это ему лишь показалось, потому что секретный агент Лис была то ли китаянкой, то ли японкой, но молодой и очень необычной, чтобы Сэм с ходу счел ее хорошенькой. Однако Лис покачала в ответ аккуратной, словно кукольной, головой, то ли укоряя его, то ли возражая. И протянула крошечную ладошку, помогая встать.

– Идите, идите. Здесь рядом, в соседнюю комнату. Спите, главное, побольше и делайте, что вам говорят. С такими ранениями не шутят, уж я знаю, – напутствовал его напоследок гауптштурмфюрер Лео Ховен, царь и Бог антарктической базы 211.

*Перед льстецом и лиходеем
Готов и честный ниц упасть.
Судья, свою утратив власть,
Примкнет в конце концов к злодеям.³*

Капитан Хартенштейн порядком злился. Да и как было не прийти в скверное расположение духа, когда с ним, Вернером, как с мальчишкой, обошелся какой-то плюгавый выскочка из СС, к тому же званием ниже его собственного. Он, видите ли, занят допросом пленного. Разве где-то в отсеках горит или юнга по ошибке отвернул кингстоны? Бедолага еле ходит, так куда он денется с подводной лодки, простите за военно-морской юмор? А ему, капитану 3-го ранга с посыльным передано распоряжение (вот нахальство!) отдыхать, но и быть в готовности. Конечно, переживать особенно нечего, на борту остался Мельман, а у того и не начищенная до зеркального блеска торпеда – уже целое ЧП. Но подобное пренебрежение кому же охота сносить? Однако делать было нечего, и Хартенштейн отправился гулять по базе. Правда, далеко он не ушел. Холодно и неизвестно куда идти. К тому же посыльный не отстал, предложил услуги экскурсовода, пообещал, если капитан желает, показать хозяйственный

---

³ И. В. Гете, «Фауст», в переводе Н. Холодковского.

ангар, а в нем всамделишный танк, хотя и без боевой башни, или осмотреть радиостанцию, или, лучше всего, кухню. И намекнул, дескать, время терпит, что значит: для славного подводника найдется кое-что поесть, но главное, кое-что попить. Видимо, посыльный и сам был не прочь. Хартенштейн кочевряжиться не стал, пускай потом этот Ховен ловит его по камбузам, пошел следом. Заодно и познакомился.

Посыльный оказался никаким не посыльным вовсе, а местным инженером по авиационной специальности, одно это само по себе для Вернера было подозрительным, но, как говорится, руководству видней. Если авиаконструктор нужен посреди антарктических просторов, то либо для него имеется ответственное дело, либо наверху кто-то сбрендил. Последнее тоже не исключено.

Звали малого Вилли Бохман, если по метрическому статусу, но вот звания военного он не имел, а представлял собой лицо гражданское, как сам и поведал о том Хартенштейну. Сей факт еще более изумил Вернера. Чтобы секретный инженер не носил погон, хотя бы эсэсовских, хотя бы номинально, такого ему встречать еще не приходилось. «А военную базу посреди Антарктиды приходилось?» – тут же спросил себя Хартенштейн и решил впредь ничему более не изумляться, со временем все и так разъяснится. Пока же Вилли в ожидании чего-то чего именно, Вернер так и не понял до конца, – скитался по базе без конкретного дела, оттого что все от него зависящее уже переделал и забот имел

немного. Потому искал себе приключений то тут, то там, в настоящую минуту выполнял поручение гауптштурмфюрера. Все сказанное Бохманом звучало как настоящая абракадабра из восточных сказаний, но уж раз капитан решился не лезть с расспросами, то и оставалось только кивать и поддакивать собеседнику.

В столовой, одной на всех, без отдельных помещений для командного состава, оказалось полно народа. То ли наступил час обеда, то ли пришли полюбопытствовать на его счет. Однако Вернер все же вспомнил и о субординации и попросил Бохмана представить его командующему базы, если тот находится среди присутствующих.

– А никакого командующего нет, – с наивной мальчишеской улыбкой пояснил Вилли.

– Что значит нет? – Хартенштейн решил, он ослышался. Как это так, на военной базе и вдруг нет командующего? – Кто у вас хотя бы заведует штабом?

– И штаба нет, – рассмеялся в ответ Вилли.

– А что есть? – Хартенштейн уже ничего не понимал. – В чье распоряжение я прибыл?

– Что у нас есть? У нас есть гауптштурмфюрер Ховен, «Аненэрбе». Начальник исследовательского отдела зоогеографии и зооистории. Меморандум от 1938 года.

Хартенштейну явно расхотелось пить и есть, несмотря на то что перед ним уже стояла алюминиевая миска с аппетитным гуляшом по-венгерски и к ней стакан чистейшего, как

родниковая вода, неразбавленного спирта. Он бредил наяву. Какой зооотдел, какая история, при чем здесь вообще «Ане-нэрбе»? Это же научное общество по расовым вопросам, правда, в прямом ведении рейхсфюрера Гиммлера, но концы с концами все равно не сходились.

– Не расстраивайтесь, есть еще Ени. Почетный бригаде-фюрер Рейнеке, старый пень, – последние слова Вилли произнес тихо и с насмешкой. – Можете представиться ему, если хотите. Он вроде как научный руководитель. Только наш старина Ени болен, схватил катар легочных путей, теперь лежит в бревне и пьет микстуру. Ему седьмой десяток стукнет в нынешний Сочельник. Вообще-то он мой шеф, притом гениальный строительный инженер, хотя во многом – зануда и конформист. Так что мы и до сих пор с ним ругаемся поне-многу. А раньше, бывало, битвы Тевтонского ордена за Литву устраивали между собой.

Тут интересную беседу пришлось прервать, потому что люди, тоже сидевшие за общим с ними длинным столом, жаждали и своей доли внимания. Он узнал расположивше-гося неподалеку вечно сонного радиста Бруно, тот и сейчас дремал над своей тарелкой, еще капитану представились че-ловек десять из персонала базы. Хартенштейн, как это свой-ственно моряку, запомнил особенно двух – миленькую де-вушку Гуди, повара станции, судя по гуляшу, весьма непло-хого, и Шарлоту Эйгрубер, блондинку среднего возраста с внушительным бюстом, оказавшуюся военным врачом и ун-

тершарфюрером СС.

К Хартенштейну немедленно пристали с расспросами: «Что делается на Восточном фронте? Правда ли, дивизии вермахта уже на Волге? Сколько единиц вражеских судов потопил сам капитан? Действительно ли гросс-адмирал Редер поссорился с его шефом Карлом Деницем?» На базе связь имелась только местного значения, очень маломощный передатчик. Вступать в контакты на дальних расстояниях было запрещено. Единственно, удавалось подслушивать изредка сообщения, перехваченные из Мельбурна и еще реже – Кейптауна, иногда и с других радиостанций, но с большими помехами. На базе ощущался явный информационный голод.

Хартенштейн рассказывал и вспоминал в подробностях, что мог. И эпопею с «Лаконией», и свои операции в северных морях, и даже как однажды крепко запил на базе в Лориане, угодил на гауптвахту, едва не был разжалован, лично папа Дениц обозвал его головорезом, но после был помилован и вот послан в секретный поход.

Здесь повествование его внезапно прервалось, к столу подошел еще один человек, только что с улицы, или со двора, или оттуда, что на базе подразумевалось под этими понятиями. От вновь прибывшего тянуло холодом, принесенным снаружи. Высокий блондин, несколько костлявый, с вытянутым, породистым лицом, очень тонким, но и приятным. Ему улыбались и приветливо предлагали садиться, кто-то да-

же потеснился, освобождая место поближе к Хартенштейну. Словно явился всеобщий любимец и душа компании, а может, так оно и было на самом деле. Парень, еще совсем молодой, тоже в ответ улыбался до ушей, несколько застенчиво отводил глаза, хотя на предложенное место все же сел.

– Знакомьтесь, капитан. Это – наш Волк, – представил молодого блондина Ганс Тенсфельд, старший механик базы, и вдруг ухмыльнулся неприятно и нехорошо.

Хартенштейн сразу понял, то ли по интонации, то ли по общей атмосфере, внезапно возникшей за столом, что Волк – никакая не фамилия и тем более не имя, а прозвище, видно, на базе это было принято. Ведь недаром он сам слышал, как посредника Марвитца называли Медведем. Но Вернер Хартенштейн был еще и командир военной подводной лодки, а значит, имел неординарную способность подмечать вроде бы малозначащие мелочи. Вот и сейчас от него не ускользнуло, как хорошенькая Гуди, ставя перед Волком его порцию, заученным и слегка испуганным жестом схватила за серебряный медальон, висевший у нее на груди. А врач Эйгрубер укоризненно покачала головой, мол, как не стыдно.

Хартенштейн засмотрелся на медальон, пытаясь разгадать его значение. Но без успеха. Это определенно была вырезанная из металла буква, и не буква даже, а кажется, руна. В СС полагалось знать такие вещи, но спрашивать у Шарлоты было неудобно. Хотя надо же! И у врача Эйгрубер, и у Тенсфельда, и у дремлющего Бруно, и у всех вообще, за ис-

ключением самого Волка, имелся такой же точно знак. Однако он не висел медальоном, но в виде значка был приколот у кого к куртке, а у кого прямо на толстой вязки свитер. Значок напоминал готическое «Z», только перевернутое по горизонтали и в центре перечеркнутое вертикальной короткой полосой. Впрочем, Хартенштейн не слишком удивился: почитай, каждое, пусть и самое маловажное подразделение теперь претендует на собственное отличие. Вот и его лодка имеет свой личный герб, сделанный по средневековому образцу. Придавать таким вещам излишнее значение и вправду глупо, правильно Гуди поставили на место. Все же он отважился спросить, в чем дело. И едва открыл рот, как в столовую, даже не сняв меховой, подернутой инеем куртки, ввалился Марвитц, испуская от себя и вокруг клубы морозного пара.

– Собирайтесь, капитан, нам пора, – громким, ревущим голосом приказал он несколько фамильярно и без должного уважения.

Хартенштейн заспорил было – каким бы влиянием ни пользовался здесь Марвитц, а он тоже не последняя шишка. Однако Медведь столь дружелюбно, хоть и крепко, хлопнул его по спине, будто родного, пускай и непослушного ребенка, что Хартенштейну сделалось не до обид. Невоспитанный грубиян, зато рубаха-парень, подумал он о Марвитце и принял решение не спорить, но следовать за ним. Ведь не впустую, а по делу его спешно вызывают из-за стола.

Но Марвитц привел его сначала в складской ангар, где выдал меховые сапоги, подобные тем, какие Хартенштейн видел на севере у пленных советских летчиков, и еще настоящую короткую по колено шубу тоже из жесткого коричневого меха.

– Теперь будет в самый раз, – удовлетворенно оглядел его Медведь-Марвитц и опять хлопнул тяжелой дланью по спине.

«Еще раз стукнет, ответу в глаз!» – подумал про себя Вернер, впрочем, без злобы, а так, чтобы знал наших. Все же волки папы Деница не дадут себя в обиду простому сельскому увальню.

После они отправились в небольшую пристройку, где стояли рядком давешние сани, а их уже и ждали. Невысокого роста человек, даже человечек. В таких же точно шубе и сапогах, в меховой шапке с опущенными ушами. Очень неприятное, даже страшноватое лицо, не в смысле уродливое, а непроницаемое и зловеще наблюдающее, особенно зеркальные, сверлящие черные глаза, будто украдкой высматривающие из-под мехового козырька. Хартенштейну уже приходилось встречать именно такой взгляд, и надо ли объяснять, у представителей какой организации. Но его-то на испуг не возьмешь, подумаешь, СС!

– Гауптштурмфюрер Лео Ховен, – представился обладатель страшных глаз. Не отдал честь, не протянул руки, даже не вскинулся в традиционном приветствии. Так что и

«Хайль!» осталось за бортом.

– Капитан третьего ранга Хартенштейн, – неохотно отозвался Вернер.

– Вы, капитан, прибыли в мое распоряжение согласно приказу, – так, словно сообщал никому неинтересную и банальную истину, просветил его гауптштурмфюрер. И речь его звучала, как холодный, со льдинками, посвист арктического ветра, будто указывала – где ты, капитан, а где я, гауптштурмфюрер СС Лео Ховен.

– Согласно какому приказу? Я лично никакого приказа ни от кого не получал! – взбрыкнул Хартенштейн, желая поставить наглого эсэсовского выскочку на место.

– Получал я. Сами вы и передали в ящиках с документацией, адресованной лично на мое имя. Это так. Если хотите ознакомиться в письменном виде, после я удовлетворю ваше законное желание. А сейчас у нас другие дела, – отчеканил Ховен без малейшего намека на неудовольствие.

«Стальное чучело», – подумал про себя Хартенштейн, но и невольно зауважал надутую-высокомерного гауптштурмфюрера. Самого Вернера редко кому удавалось осадить, даже и папа Дениц не каждый раз достигал в этом успеха. Но вот у Ховена получилось, и капитану ничего не оставалось, пусть ворча и плюясь в душе, как уступить и подчиниться.

Они кое-как разместились в мотосанях, один Марвитц занял больше половины места. Зато щуплый гауптштурмфюрер честно примостился в скромном уголке. Так что полу-

чилось по справедливости.

Вернер думал, сейчас они двинутся в направлении его лодки, возможно, Ховен желает сообщить экипажу приказ и определить будущие задачи, однако сани свернули совсем в другую сторону. Ехали теперь совсем недолго. Вдоль пути тоже стояли высокие тонкие вежи, по обеим сторонам отмечавшие дорогу через каждые пятьдесят шагов, флажки на них были уже не красные, а черные с желтой полосой. И дорога оказалась вовсе не простым накатанным снежным настом, а военной колеей, очень широкой, так что сани неслись посреди глубоких параллельных ледяных выбоин, с легкостью умещаясь между ними. «Здесь, кажется, имеется и танк», – припомнил Хартенштейн рассказ своего добровольного экскурсовода, и наличие гусеничной колеи сразу сделалось понятным. Дальнейшие выводы осмыслить он не успел, сани внезапно выскочили на открывшийся за пригорком берег. Точнее, в узкую, словно прорезанную среди льдов, безветренную бухту, впрочем, весьма удобную для стоянки, отметил он наметанным глазом. На изломе берега, который чуть ли не острым углом сходил в одну точку, стоял такой же хозяйственный ангар, как и на самой базе, разве более скромный размером. К этому сооружению, запертому на тяжелый замок с деревянным засовом, и подлетели сани.

– Вам придется немного обождать, капитан, – кратко сообщил ему гауптштурмфюрер и полез из саней прочь. За ним следом вывалился всем гигантским телом Марвитц.

Вернер остался сидеть, только нарочно вызывающе посмотрел в зазеркальные глаза своего нового начальства, так некстати свалившегося на его капитанскую голову. «И чего? Какого черта мы сюда приперлись?» – как бы без слов спросил Хартенштейн. Гауптштурмфюрер, понятливый черт, снова не утрудил свою особу длинным объяснением: – Скоро все узнаете, – и пошел себе к сараю.

А там уже копошился проворный Марвитц, вытаскивал длинные деревяшки, окрашенные в черно-белую полоску, мостил их на снегу, так, чтобы краем они доставали до воды. Удобный спуск, нарочно вырубленный в ледяном берегу. «Да это же самодельная пристань!» – сообразил Хартенштейн. Кажется, он уже догадывался, что к чему. И правда, Медведь мощными рывками стал крутить протянутую наскоро лебедку, вскоре из дверей ангара показался нос небольшого удобного катера, из тех, что в дни инспекции торжественно доставляют на борт высоких чинов. Малютка без трюмного помещения и даже без полубака, прогулочная игрушка – на кой она здесь? Хартенштейн вылез из саней и, ведомый любопытством, зашагал к ангару. Однако не такая уж и игрушка, подойдя поближе, с удивлением заметил Вернер. Бронированный корпус, ну это, положим, чтобы не убиться о лед, турель с пулеметом на корме, там же полукругом, понизу, натянута стальная сеть неизвестного назначения, да еще в носовой части довольно внушительный прожектор на шарнирах. А сам крошка катер с нешуточным двигателем,

со специальными крыльями сзади – по бокам и возле днища. Вернер подобного никогда еще не видел. На такой штуке, прикинул он, если развить порядочную скорость, можно перелетать через небольшие препятствия. Подобно крылатым рыбам, какие ему случалось наблюдать в тропических широтах.

Вскоре катер уже был спущен на воду, довольно быстро и ловко, в основном благодаря сноровке Марвитца, и капитана жестами пригласили на борт. Хартенштейн, чье любопытство сделалось неспособно жгучим, без возражений перепрыгнул с берега на заднюю деревянную скамью возле пулемета. Там и сел, чинно и мирно ожидая, что гауптштурмфюрер предложит ему, как единственному кадровому моряку, стать к штурвалу и принять управление. Но ничего подобного не произошло. Место рулевого уже занял Марвитц и все не собирался его никому уступать. А жаль, он, Вернер, с удовольствием опробовал бы это игрушечное диво.

К его несказанному изумлению, катер развернулся совсем не в сторону выхода из уютной бухты, а прямо к угловой, ледяной стене, смыкавшейся в отвесной и ровной белизне утесов и завершавшей собой весь залив.

В какую-то секунду Хартенштейну показалось, что их крошечный кораблик, набравший весьма быстро огромную скорость, вот-вот врежется в ее основание, но этого не случилось. Под стеной возникла вдруг черная полукруглая дыра, издали казавшаяся простой темной точкой, а вблизи весьма

большого диаметра, не то что катер, а и легкий крейсер прошел бы, как на параде. Вообще в здешних местах все неладно с размерами, отметил про себя Вернер. На фоне изломанных чудовищных глыб нельзя судить о том, что мало, а что велико, уж очень гигантские масштабы для сравнения. К примеру, бухта на вид узенькая змейка, а ведь может вместить целую флотилию. Катер тем временем скользнул под своды зияющей черной пасти, Марвитц немедленно включил прожектор, столь мощный, что Вернер на некоторое время даже совершенно ослеп. А когда прозрел, то, несмотря на достаточное освещение, где-то наверняка отраженное от искристых белоснежных сводов, так и не сумел охватить взглядом все представшее перед ним пространство, словно уходящее в никуда. Катер теперь сбавил скорость и скользил по мрачно антрацитово-водяной глади то ли в пещере, то ли в тоннеле – нельзя было разобрать. А еще минуту спустя Марвитц сделал резкий, ухарский разворот (за подобное сам Вернер без размышлений влепил бы внеочередную чистку клозетов) и заглушил двигатель.

– Здесь, – будто приговор произнес, сказал ему гауптштурмфюрер Ховен.

– Моя благодарность отразилась бы даже в письменном приказе, если бы вы, гауптштурмфюрер, сделали одолжение и потратили на меня несколько больше из вашего словарного запаса, – очень вежливо и язвительно ответил Вернер. Игра в прятки в подземных лабиринтах его уже порядком допекла.

Хотелось определенности, особенно от этой мелкой гадины в эсэсовском звании.

– Оглядитесь хорошенько. Медведь, посвети, – приказал Ховен, никак не отреагировав на уничижительный тон капитана.

Именно его полное равнодушие к преднамеренному ерничеству показалось Хартенштейну особо обидным. Проклятый гауптштурмфюрер снова поставил его на место, и бог весть как ему это удалось. «Все их полицейские штучки, ну да ладно, будем смотреть», – подсадовал про себя Вернер и стал следить за поворотами прожектора.

– О Господи! Господи! Господи! Боже ты мой, и его мать! – богохульно принялся восклицать капитан, не найдя от неожиданности других выражений.

– Ваш словарный запас тоже отличается некоторой скудостью, – злорадно прозвучал над его ухом рассыпавшийся колючим смехом голос Ховена. – Когда вам надоест призывать всевышние силы, чтобы прояснить себе мозги, подайте знак, и я приступлю к сути дела.

– Что здесь за чертовщина? – Хартенштейну удалось преодолеть собственную растерянность, и не последнюю роль сыграло пренебрежение, высказанное в его адрес поганцем гауптштурмфюрером.

– Собственно, это и есть пресловутая база 211. А то, что вы видели в поселке, – всего-навсего временное наше пристанище. Предстоит еще строить и строить, – Ховен ко-

ротким взмахом руки обозначил пространство вокруг своей особы.

Прямо по курсу в белом свете мощной прожекторной лампы перед Вернером лежала абсолютно ровная гранитная площадка с натянутыми леерами, ограждавшими от воды, недалеко от которой и качался на плаву их катер. С правой ее стороны в обледенелый камень была врублена стальная дверь с сейфовым замком, а рядом, метрах в десяти, еще одна. Но не это поразило Хартенштейна. Еще дальше, по боковому периметру, вверх, вглубь горы уходил бетонный желоб непонятного назначения, но тщательно заминированный, и тут же неподалеку второй, недостроенный, но отчего-то лишь снизу, где из скалы торчали скелетообразные куски погнутой арматуры. И всюду масса всевозможной техники, то ли брошенной, то ли временно законсервированной. Гусеничные трелевочные трактора, огромные пневматические домкраты и даже один портовый кран, пришвартованный на платформе. Как это было возможно, оставалось совсем неясным. Слева и напротив зиял пустотой пролом, укрепленный опорами, какой можно проделать направленным взрывом. Словно прокладывали шахту, да и бросили на полдороге.

– Там будет располагаться следующая установка, – указал на нее Ховен, ничего, в сущности, не разъяснив. – Но вы не беспокойтесь, те две тоже еще пусты.

– Не беспокоиться? С чего бы мне беспокоиться? Но раз

уж вы начали, то поведайте мне, дураку, отчего и зачем пусты? И что это вообще такое?

– Пусковые шахты ракетных снарядов ФАУ-2, особого назначения, прототип. Барон фон Браун сконструировал по личному приказу фюрера. Ждем в скором времени их доставки на борту «Швабии» вместе с дополнительным горным оборудованием и сменой рабочего персонала. Проект базы создал наш бригадфюрер Рейнеке, вы с ним еще будете иметь честь познакомиться. Первая фаза строительства завершена, предстоит вторая. Зимовка закончена, теперь всех нас ждет нелегкая работенка.

– А какова моя роль в этом... предприятии? – осторожно спросил Хартенштейн. Похоже, ему впервые в жизни повезло по-настоящему. Ничего более тайного и ответственного ему никогда еще не поручали. И даже гауптштурмфюрер Ховен сделался ему почти приятен.

– Не в предприятии. В секретном задании. Даже сверхсекретном, – несколько потеплевшим тоном ответил ему гауптштурмфюрер. А Марвитц, тот от восторга пару раз мигнул прожектором. – Скажите, капитан, на борту у вас ведь имеется кое-что и помимо предназначенной для меня документации?

– Есть приказ передать груз согласно ордеру на получение, подписанному рейхсфюрером, – Хартенштейн ни слова не солгал, такое распоряжение он действительно получил.

– Прочтите, – и Ховен сунул ему в руки непромокаемый

пакет.

Вернер принял пакет, осторожно развернул. Света было достаточно, и он стал читать.

– Хорошо. Когда начнем выгрузку? – в приказе все было в полном порядке, и у Вернера не имелось ни малейшего повода перечить. Да ему самому до смерти хотелось избавиться от лишнего балласта, занявшего половину продовольственного отсека, и мало ли что там может быть? Хартенштейн теперь ожидал чего угодно.

– Никакой непосредственной выгрузки! Вам придется доставить контейнеры прямо сюда вместе с лодкой! Это не обсуждается, – последние слова Ховен произнес даже ласково.

– Вы совсем с ума спятили! Куда, сюда? У меня не прогулочный катер и даже не торпедный! У меня подводная лодка класса IX–С, дальнего радиуса действия, полтораста тысяч тонн, почти восемьдесят метров в длину, вы представляете, что это такое?! Какое ей нужно место для маневра?! А промеры глубин, а рельеф дна?! И вы желаете, чтобы я протащил такую махину в игольное ушко?! – Хартенштейн захлебнулся в возмущенном крике, так был взбешен.

– Я попрошу умерить ваши вокальные способности. Здесь жуткое эхо, – спокойно ответил ему Ховен, язвить он умел, пожалуй, не хуже капитана. – Для нас с Медведем доставленный груз не составляет тайны и не будет отныне неизвестным для вас. Иначе, капитан Хартенштейн, выйдет неравная доля ответственности... Все одно вам придется подписывать акт

передачи, – при этих словах Ховен слегка сморщился, будто откусил от лимона. – Так вот. Ваши контейнеры – золотой запас, его некоторая часть, принадлежащая непосредственно партии. Слитки по килограмму с клеймом рейхсбанка. Их следует затопить здесь и в месте, которое я вам укажу. И никаких перегрузок у всех на виду не будет. Более того, в операции не примут участие члены вашего экипажа. Их задача лишь помочь провести лодку в секретное убежище. Только вы, я, Медведь и еще двое из моей личной охраны.

– Это немыслимо! – опять возопил капитан, понимая уже, что все его возражения обречены. – Одно то, что я вообще доставил свою лодку по назначению, есть чистейшее везение. Сквозь льды, без развернутой карты навигации. Мы сто раз могли погибнуть. И вот теперь, когда мы выполнили задачу и уцелели... Я, извините, морской офицер, а вы, Ховен, – дилетант и не понимаете всю опасную глупость вашего требования.

– Очень может быть. Зато вопреки данному приказу самовольно не топлю гражданские корабли, а после не смываюсь с позором, – задумчивым голосом, опустившимся до нежного шепота, произнес в ответ гауптштурмфюрер. И нагло уставился на Вернера, глаза в глаза.

– Да как смеешь ты, штабная крыса! Я... я... от самого папы Деница!.. – одной рукой Хартенштейн рвал на груди застежки неуклюжей шубы, другой пытался нащупать кобуру с табельным пистолетом. – Спустия четыре дня! Только четыре

дня! Семнадцатого сентября – Рыцарский Железный Крест! По-твоему, это за прогулочное корыто? За храбрость и доблестную службу рейху! К черту «Лаконию» и тебя, дерьмо собачье, вместе с ней!

– Вот и чудно! Мы еще не пили на брудершафт, а уже перешли на «ты». Все же попрошу соблюдать субординацию. – Ховен и бровью не повел, лишь сделался еще более монументально-спокоен. Поиск кобуры его нисколько не напугал, а вопли обиженного капитана и того менее. – Раз вы отмечены Рыцарским Крестом, тем паче для вас составит сущий пустяк выполнить мое задание. Не стоит кипятиться и набивать себе цену. Если желаете, я отмечу в рапорте ваш секретный вояж как особо опасную операцию. И второй Крест будет не за горами.

– Плевал я на вас и на ваши Кресты, – уже спокойней, но все равно сквозь зубы прошипел Хартенштейн. – Свои я привык добывать в бою.

– Вы правы, капитан, и, наверное, заслуживаете какой-нибудь дурацкой сентиментальной похвалы. Но здесь у нас не бой, здесь гораздо хуже. И самое последнее дело, какое вы можете натворить, – это поссориться лично со мной. Вы в свою очередь и понятия не имеете, что именно затевается в этом месте и для чего оно нужно. А пока, советую, осмотритесь с нашей помощью, мы готовы оказать любое содействие, лощи же сможете получить на базе. И если их окажется недостаточно, мы произведем дополнительные заме-

ры глубин. Я вас не слишком тороплю, но и вы усвойте одну простую вещь – здесь, на этой базе, все произойдет, только как и когда я сказал, и любые споры единственно впустую потратят ваше время.

Так и произошло. Следующие несколько дней Хартенштейн оказался занят по горло. Все лоции ни к черту не годились, да и производил те измерения радист Геделе, и, видно, спустя рукава, а может, ничего не смыслил в порученном деле. Но, к чести гауптштурмфюрера надо было сказать, что помощь он действительно оказал всю возможную. Вплоть до регулярного подвоза горячих обедов прямо в ледяную пещеру, и даже пожертвовал знаменитый патефон из радиорубки для увеселения.

И вот день настал. Капитан Хартенштейн занял место на мостике, готовый к любым неожиданностям, Мельман лающими выкриками передавал его приказы команде, работа началась. Пару раз все-таки царапнули правым бортом при вхождении, но повреждения оказались мелки, не стоили внимания. Шли на самом тихом ходу, включив на полную мощность прожекторы, хорошо еще, что Ховен додумался выставить освещение на строительной площадке. Метрах в тридцати от края платформы плавучего крана Хартенштейн застопорил двигатели. И отдал приказ экипажу грузиться в шлюпки. К нему навстречу уже спешил крошка катер с Медведем-Марвитцем у руля.

Хартенштейна доставили на причал. Здесь его поджидал

гауптштурмфюрер вместе с двумя другими своими охранниками. И опять, как не раз уже случалось за эти дни, личная команда Ховена произвела на него тревожное и загадочное впечатление. Медведь еще куда ни шло, но вот девушка-китаянка, коротко стриженная, очень молчаливая особа, и старый его знакомец по столовой, весельчак по кличке Волк, задорный молодой парень, меньше всего на свете годились на роль телохранителей. А все же по всему было видеть, что им-то Ховен доверял, как никому другому, и вся троица по совсем уже непонятной причине чуть ли не молилась на своего гауптштурмфюрера и предводителя.

– Уф! Еле забрались, ну и ну! – капитан демонстративно вытер лоб, холодный и ничуть не вспотевший. – Теперь Мельман, мой помощник, со свету сживет. А как же, кровная обида! Я здесь, с вами, а его, как щенка, на берег, кормить команду гороховой кашей. Представляю, как стану выбираться назад. Развернуться почти негде, дать задний ход – чистое самоубийство.

– Это не так важно, капитан. За виртуозную работу примите благодарность, а лодка ваша может найти стоянку и здесь. До дальнейших распоряжений, – милостиво заметил ему Ховен. За эти дни Вернер привык уже, что в устах гауптштурмфюрера подобные сухие слова служат верхом человеческого одобрения и похвалы. Если не бросил в лицо откровенную мерзость, уже было хорошо и свидетельствовало о приятном расположении духа милейшего Лео.

– Гхм! Да не хотелось бы! Ребятам вряд ли понравится в тутошней крысиной норе. Каждый раз отсюда выбираться на белый свет, так не наездишься. И без того просидели заперти достаточно, который месяц благодаря вам кочуем без конкретной цели.

– Поставьте вахту, а экипаж до поры разместится на базе. Только помните, капитан, здесь вам не Лориан, и безобразий я не допущу. Внушите это вашим молодцам, иначе им придется иметь дело с моей охраной, и хорошо еще, если с одним Волком. Он будет за вас ответственен.

– Мы не головорезы с большой дороги, чтобы вы себе там не навоображали, – недовольно пробурчал Хартенштейн. А про себя усомнился, как это Волк, не самого могучего телосложения парнишка, сумеет обуздать при случае его банду. Впрочем, не его это проблемы, а Ховену так будет и надо, раз не желает принимать боевой экипаж всерьез. – И вообще, забирайте поскорее ваше «золото Рейна», не морочьте мне голову.

Ховен безмолвно кивнул в ответ, и вскоре, после краткого обмена организационными мнениями, началась собственно выгрузка. Вот тут-то Хартенштейн понял, что это за металлические сетки за кормой игрушки катера. Еще и остроумно спроектированный миниатюрный тральщик, определенно малютку-катер строил неизвестный гений! Ящик за ящиком ложились в сетку и опускались ко дну драгоценные слитки, бог весть кому нужные на антарктическом краю земли.

А Вернера Хартенштейна посетило еще одно прозрение. И Волк, и китаянка Лис, и уж, конечно, Медведь без всякой помощи вручную таскали и сгружали тяжеленные, крепко сбитые контейнеры, и вовсе не дружно все на один. На каждого из них приходилось по отдельному ящику, а на каждый отдельный ящик только по паре рук. Если Хартенштейн и верил в детстве в чудеса, то теперь он воочию узрел их на этом свете. И некоторое опасение за свой экипаж, нет-нет да и крадывалось в его капитанскую душу. Черт его знает, этого Ховена, может, он не шутил, доморощенный эсэсовский балаганный остряк, может, и впрямь ничего нет страшнее на базе 211, чем его нелепая с виду, скромная числом личная охрана? Так не поторопился ли он, Вернер, даже на дух не переносивший мундиры СС и всех, кто их таскал на себе, с тем, что отказался записаться в друзья к наглому, загадочному и злющему хорьку, здешнему гауптштурмфюреру Лео?

Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.

Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.⁴

Он опять провалялся в постели не меньше недели. Почти не вставая, слишком сильно кружилась и болела голова. Наверное, тот единственный день на свежем воздухе и переезд, резкий переход от скупой подвижности к свободному движению тела докончили Сэма и вызвали рецидив болезни. Все же пока особенно жаловаться было не на что. Кормили его хорошо, и надо заметить, с ложечки кормили. Немного унижительно, но с Лис долго не поспоришь. Точнее, никак не поспоришь. Будто попал в монастырь к траппистам, – Лис за все время самоотверженного ухода за его персоной вообще не сказала Сэму ни слова. А уж он пытался и заигрывать, и улыбался, и даже спел ей через силу песенку на немецком языке с довольно легкомысленным содержанием. Однако тонкие губы Лис упорно оставались плотно сжатыми, личико нахмуренным и, кажется, не слишком довольным. Он, было, подумал, что, может, девушка попросту нема от природы, но однажды услышал, как, еще не вой-

---

⁴ Гомер, «Одиссея», в переводе В. Жуковского.

дя к нему, Лис обратилась к гауптштурмфюреру на скверном немецком языке с сильно хромающим произношением, и очень любезно обратилась, голосок ее звучал приятно, хотя несколько резко. Кто такая Лис на самом деле, ему вычислить так и не удалось. Даже с национальностью не возникло ясности. Японка, корейка, китаянка, может, монголка? Вроде бы Германия в ближайших союзниках держит Страну восходящего солнца? Сэм вспомнил читанную по случаю давнюю книжку и поделился с Лис сведениями об императоре Хирохито, но без результата. Полнейшее равнодушие, будто речь шла о квантовой механике и уравнении Шредингера. Но возможно, Лис попросту не патриотка.

Как бы то ни было, обязанности сиделки девушка исполняла профессионально. Ставила уколы дважды в день, кормила по часам, помогала умыться, обтирала Сэма мокрой горячей губкой, без малейшего смущения совала под него судно. И даже не отворачивалась, а так и стояла над душой, пока Сэм делал свои дела. Он попытался объяснить, что до уборной как-нибудь доковыляет и сам, но успеха не имел. Впрочем, очень скоро тоже перестал испытывать неловкость. Он довольно быстро привык и к Лис, и к ее манере обращаться с ним, с Сэмом, будто с глухонемой обузой. Может, именно из-за ее бесконечного нежелания вступать с ним хоть в самый пустяковый разговор. Хотя иногда это почти выводило его из себя. Лис подолгу сидела возле его постели, иногда без видимого дела, когда Сэму не требовалось никаких услуг или он

старался поспать. Бесшумно так сидела, что и дыхания ее не было слышно. И Сэму тогда казалось, Лис наблюдает за ним и хочет, чтобы Сэм об этом знал. Но все это, конечно, глупости. Чего за ним следить? Если, конечно, не провокаторские штучки гауптштурмфюрера с целью вывести Сэма из равновесия. Ховен тоже навещал его каждый день. Максимум секунд на тридцать. Всовывал голову внутрь, но никогда не заходил, ехидно произносил полувопрос-полуутверждение:

– Лежите? Лежите. И ладно, – и тут же скрывался прочь.

Иногда Лис пропадала неведомо куда, и ее не бывало подле Сэма по многу часов. Тогда Сэм испытывал определенное облегчение, хотя порой хотелось пить и попросить то же судно, но он терпел, потому что стал ценить благословенные моменты своего одиночества. Выйти в эти краткие периоды он никуда не мог все равно. Дверь, может, и не самая прочная с виду, запиралась на внушительный замок, и запиралась всегда, когда Лис покидала его импровизированную палату, звуконепроницаемую и без единого окошка. Сэм догадывался, что ранее здесь помещалось что-то вроде карцера с воспитательными целями, но для него переоборудовали темную клетушку в довольно удобный больничный покой. Он не сожалел даже о солнечном свете, хотя, по его подсчетам, в Южном полушарии дело шло к лету. Интересно, бывает ли на здешней широте настоящий, долгий полярный день? И на какой вообще широте находится база? Впрочем, то было сейчас не важно. Плохо ему делалось пока от света, да-

же от слабой электрической лампочки под потолком, висевшей на простом скрученном шнуре. Зато раз есть лампочка, значит, есть и энергостанция, сделал логический вывод Сэм. Серьезно обустроился гауптштурмфюрер Ховен, интересно, что еще имеется в его хозяйстве?

Одно только было ясно Сэму с очевидной определенностью. Он зачем-то нужен этому Ховену, и не абстрактно, на всякий случай, а с вполне конкретной целью. Но дальше его выводы не шли. Сэм ни черта не понимал в полярных станциях и экспедициях, он вообще не любил путешествовать. Не питал также страсти и к любительским географическим исследованиям, не смыслил ни в гляциологии, ни в гидрологии, не умел строить дома и базы в экстремальных условиях, не баловался охотой, даже на кухне от него всегда выходило мало толку. Если бы не война, он так и остался бы серой лабораторной мышью, безумной мишенью для насмешек, и разве для нескольких сильно вперед глядящих энтузиастов представлял бы интерес.

Да и что эдакого особенного в его короткой биографии? Сын мелкого лавочника из Кардифа, отец полжизни прослужил в богатом семействе лакеем, а после, скопив денег и удачно для себя женившись, вторую половину жизни простоял за прилавком, торгуя дешевым табаком. Сестра вышла за мелкого фермера-арендатора, теперь живет в Нортумберленде, мужа ее не взяли даже в армию, туберкулез – и ничего не поделаешь. Двое племянников, обычные деревенские ре-

бятишки, поют в церковном хоре и помогают развозить молоко. Остальная родня еще беднее и невзрачнее, чем Керши, — кому они интересны, тем более загадочной германской «Аненэрбе». Один вот только Сэм. Да и что он? Ну выпускник Кембриджа. Допустим. Тринити-колледж и с нечеловеческими трудами заработанная стипендия. Отец все ворчал, что рубит сук не по себе. Но когда приходилось совсем туго, все же присылал фунт-другой. Порой такая случалась нищета, не пересказать. И мало того что выскочка, положим, к этому времени их много уже было, парней из народа, вдобавок лакейский сынок, да еще валлиец, сам бог велел сделаться мишенью плохих шуточек и скабрзных замечаний. Он получил презрительное прозвище «лук-порей», и при встрече с ним высокомерные студенты колледжа, познатнее и побогаче, демонстративно зажимали носы. Сэм, на свою беду, был умнее и талантливее их всех, вместе взятых. Зато он научился терпению и как увидеть цель, когда еще мало представляешь себе, чего хочешь, и как выживать, когда остается только опустить руки и плюнуть на все от бессилья. Но и настоящий один человек повстречался ему на пути. Американец, и, кажется, еврей, из Массачусетса, божий дар и умница, тоже ему в свое время досталось от доброжелателей. Фамилия его была Винер, известная в определенных кругах, пускай и сомнительной славы. Он-то и сказал Сэму, что надо бы тому в Геттингенский университет — высший класс, элита математического мира, — вот куда надо. Да где взять

деньги? Хотя бы и хотелось. Но потом, где-то через полгода, доктор Винер сказал обратное, мол, уже не надо. Он вообще стал смотреть на Сэма как-то странно, как на ровню себе стал смотреть, наплевать, что один студент, а второй – светило науки. А перед отъездом на родину объяснил, уже на прощание, что у Сэма гениальный инженерный дар и чтобы не смел зарывать его в землю. Он, доктор Винер, в состоянии только увидеть сущность математических отношений и рассчитать, в то время как Сэм интуитивно знает и чувствует их природу и может придумать, что сделать и как. Много они тогда говорили, Сэм, конечно, больше слушал. Но за бумажными формулами вставляли для него реальные формы и проекты агрегатов, управляемых человеком, принцип обратной связи, электронная машина, все их общие мечты словно видел в материальном воплощении. Это-то и приводило его учителя в недоумение и восхищение. Они потом писали друг другу, больше о неудачах, у Сэма их действительно было больше. Доктор Винер пытался добиться для него места в Массачусеттском технологическом, забрать к себе, но, видно, не сумел. Такие, как он, плохо умеют просить, даже если просят не за себя. Последнее письмо получил, когда уже был в армии, доктор Винер обещал, что вот кончится война, и все пойдет по-другому, они еще поработают вместе. И Сэм в это верил. Одной надеждой и жил. Надеждой и мечтой, что и его управляемые радиоэлектроникой системы найдут себе место под солнцем, перестанут быть фантастической чушью, и не

обязательно на войне. Это и аэропланы без пилотов, и корабли без капитанов, и самонаводящиеся снаряды, и много чего еще. Не такая уж абсурдная мечта, потому что Сэм представлял себе, будто видел воочию, как именно это сделать, пусть трудности, их он видел тоже, как и то, что они разрешимы. Просто технические задачи, которые он обожал побеждать. Словно все само собой становилось в голове на место, оставалось только сделать. Но сделать всякий раз не давали. Даже опытные образцы, из отходов слепленные в свободное время, не желали посмотреть. Ересь и праздность, и не морочьте наши высокие умы. А ведь здесь нужны не отдельные лаборатории, экспериментальные заводы нужны, специальное оборудование. Это ведь не на бумаге вывод расписать. Хотя он обходился и без заводских цехов, мастерил модели своими руками. Все равно над Сэмом только и посмеялись в патентном бюро, дескать, его надо причислить к изобретателям вечного двигателя и запретить шляться. А тут подоспела война, Сэм плюнул, взял да и ушел на фронт. Сначала попал в Восточную Африку, потом в Западную. Там хоть польза от него вышла. Никто патента у него не спрашивал, была бы связь, а как уж ты ее обеспечишь и наладишь, твоя забота. Пускай и был он всего лишь лейтенантом, но все его уважали. И за дело, которое делал хорошо, и за почти бездумную храбрость, и за то, что, когда надо, умел держать язык за зубами. Так бы и дослужил до конца войны, ведь будет же когда-нибудь у этой ужасной войны конец?! Может,

капитана бы дали. Но вот вспомнили и о нем. Когда снаряды ФАУ стали ложиться на Лондон, когда вся высокоумная инженерная братия развела руками, в которых ничего тяжелее карандаша не держала, тогда и вспомнили. Что был такой сумасшедший изобретатель. Наверное, поэтому Сэма в столь срочном порядке и отозвали домой. Да не наверное, а так оно и есть. Потому что ничего иного быть не может. Только зачем его таланты Лео Ховену? В Антарктиде они зачем? И база эта непонятного происхождения, и подводная лодка? Кого она топить будет в здешних ледниках? Тут даже привычный к нестандартным проблемам быстрый разум Сэма утыкался в непроходимый тупик. Оставалось одно: терпеть и ждать. Что-что, а это он умел.

Он вовсе не опасался, что болен тяжело. Если бы было так, разве позволили одной лишь странноватой Лис ходить за ним? Старый пень, доктор Линде, давно бы уже навестил его. Вообще-то жаль, что не навестил. С ним бы Сэму вышло куда проще. Но видно, ему нужно отлежаться, и то правда, чем больше он валяется в постели, тем лучше чувствует себя с каждым днем. И вообще, баста! Сегодня же он заявит Лис – определенно хватит с него ходить под себя, как младенцу, пусть выводит в уборную. Если он, само собой, не под арестом. Хотя какой, к черту, арест? Ведь и упырь этот эсэсовский сказал: бежать отсюда некуда. Тем более у Сэма было вполне обоснованное подозрение, что все с ним происходящее не более чем психологический трюк. И нынешняя каме-

ра-палата, и одиночество, и загадочная монголлка-китайнка. На измор берут, пока расклеился и нуждается в помощи, да не на того напали. Экими пустяками хотят сломить. А ты, задохлик в форме, пробовал, когда свои же тебе плюют в лицо? Когда за кусок хлеба терпеть приходится и не унижения даже, а глухую стену непонимания? Когда ты младший ассистент и никем иным уже не будешь, потому что такая у тебя репутация? И когда ждешь чуда из-за океана и понимаешь, что его не случится, там своих кудесников полно, к чему им чужие безумцы? Кабы новая взрывчатка или атомная бомба, о которой теперь только и говорят, а то – машины, что станут думать за человека, как ему жить лучше. Это все равно что в их германских люфтваффе ратовать сейчас за необходимость полета на Луну.

Но размышления его оказались на сей раз прерваны. О нет! Вовсе не появлением осточертевшей уже своим молчанием Лис, которая должна была с минуты на минуту принести Сэму завтрак. В дверь вошел (да куда там вошел – вломился!), пыхтя с мороза и распространяя вокруг себя вкусную снежную прохладу, лоб чугунный Марвитц. Сколько он не видел уже дружественного человеческого лица? И со счету сбился в больничной своей берлоге. Оттого Марвитцу, медведю этакому, был он рад.

– Тебе чего? – спросил он по возможности дружелюбно, чтобы Герхард, так кажется его имя, не дай бог, не подумал, будто его приход нежелателен.

Марвитц, бегло осмотревшись кругом, скинул тяжелую меховую доху прямо на пол, грохнулся всей тушей на хлипкий стул, приткнутый подле кровати, аж ножки затрещали, приветственно оскалился.

– Гляди, очухался! Мне Лис говорила – ты уже и петь начал. Думал, враки, а ты, я гляжу, скоро и танцевать начнешь. Жаль только, что у нас негде. В смысле танцев. Вот петь – это пожалуйста! – и Марвитц загоготал.

Надо же, Сэм, оказывается, соскучился до чертиков даже по этому громоподобному смеху. И вообще, в нынешнем неведомом «здесь» Сэм никого не знал (Лис и ее шеф, разумеется, не в счет), даже шапочно, кроме развеселого Герхарда. Разве только доктора Линде. Но где он, этот судовой врач, его проспиртованный спаситель? Может, лодка давно тю-тю дальше со сверхсекретным спецзаданием. А Лис, оказывается, все прекрасно понимала, значит, прав он – каждый тут валяет дурака.

– Лис, она на самом деле кто? Нет, ты не подумай, до ее имени мне нет дела. Просто лежу и с тоски гадаю. Японка или, может, с других островов? – самым обычным образом задал вопрос Сэм. Тоже мне, тайны подземелья!

– И вовсе не с островов! Ну ты и сказал, – заржал Марвитц, однако куда тише. И, подмигнув, словно по секрету, сообщил: – С гор она. С настоящих тибетских гор. Слышал про такие? Сам наш Великий Лео ее там и нашел. Когда мы были с тайным визитом по поручению фюрера.

– С каким тайным визитом? – невинным тоном спросил Сэм.

– А я почему знаю? Будто мне докладывают! – отмахнулся Марвитц. Но тут же спохватился: – Постой. Ты, видно, думаешь, что я здесь большая шишка? Ха! Надо же, сроду меня за начальство не принимали. Конечно, в охране-то главный я. Да только в ней нас всего три особи! Три! Стало быть, в подчинении у меня двое! Каков командир, а? Прямо генерал!

– Я командовать тоже не люблю, – нисколько не покривив душой, сознался Сэм.

– Ты – дело иное. У тебя, видать, и другие способности сыщутся, иначе с чего бы Великий Лео стал держать тебя здесь? Да еще Лис к тебе приставил?

– А ты, стало быть, своего гауптштурмфюрера сторожишь? – тут только до Сэма дошли слова об охране, и сделалось ему немного неприятно. Ведь он уж совсем было принял Марвитца за своего. А ведь Герхард, вполне возможно, тоже носит петлицы с молниями.

– И его тоже. Вернее, его в первую очередь, – сразу посерьезнел Марвитц, – я ему знаешь как обязан? Кому хочешь за него горло порву.

– Ну, чем обязан, я догадываюсь, – криво усмехнулся Сэм. Да и чего гадать, известное дело, избавил от неприятностей с гестапо самого Марвитца или семью его, а может, даже из какого-нибудь концлагеря вытащил. Немецкие лагеря вещь суровая, как он слышал, там такие шутки шутят, что вороны

кости таскать не успевают.

– Ни черта ты не догадываешься. О подобном тебе и знать-то не дано, хоть ты будь семи пядей во лбу, – буркнул Марвитц и вроде обиделся.

– Ну, не дано так не дано, – поспешно согласился Сэм, ссориться совсем уж было ни к чему. – А в каком ты чине? – спросил он просто так, чтобы поддержать беседу и дать возможность Герхарду похвастаться хоть бы и званием.

– В чине? – и тут Медведь-Марвитц снова захохотал. – Говорю ж тебе, ни на пфенниг понятия не имеешь. Нет у нас чинов, не положено нам, только номер. У меня первый, например.

– Кому – вам? – несколько обалдело спросил Сэм. И так и представил себе: все население базы без чинов ходит с номерами. Бред какой-то.

– «Кому-кому»! Как бы тебе сказать, – Марвитц немного растерянно почесал пятерней макушку. – Нам – то есть охране. Мне, Лис да еще Волку.

– Какому волку? Тому, что выбегал нас встречать? – ради смеха подначил его Сэм.

– Ему самому, – рассеянно кивнул Герхард, но тут же и поперхнулся: – Совсем ты меня с толку сбил. Волк – парнишка из охраны, моя правая рука. А это только прозвище у него такое.

Однако, несмотря на недоразумения, разговор их вдруг сделался Сэму тревожен. И он поспешил перевести стрелки.

Черт с ним, с Марвитцем, если ему так нравится лизать сапоги своему Великому Спасителю Лео, все же главное – собственно Герхард никакой не эсэсовец, уже это утешает. Значит, Сэм в нем не сильно ошибся.

– Я чего пришел, – вдруг вспомнил Медведь о цели своего визита. – Ты ходить-то можешь?

– Могу, наверное... Нет, чего это я! Могу, конечно! – поспешил с ответом Сэм. А в голове проносились мысли: «Могу, не могу. Лишь бы выйти отсюда. Неужели позволяют?»

– Вот и я им сказал. Хватит тебе валяться. Для такого человека это же верная смерть, когда его в немощные силком записывают. Подумаешь, голова закружилась! Так у нас здесь знаешь какая высота? И воздух свежий. От него, как от самого крепкого вина, пьянеешь. Правильно я говорю?

– Абсолютно. Рана давно зажила, а с контузией уж как-нибудь справлюсь. Лишь бы встать, – охотно поддержал Сэм доброе намерение своего гостя.

– Вот и вставай. Я уж велел на тебя в столовой накрыть. Хочешь, сейчас и пойдем?

– Хочу, конечно. Только вот одежда, – Сэм огляделся по сторонам.

– После получишь. Штаны на тебе есть, сапоги под кроватью, как я погляжу. Бери мою шубу, а я уж так добегу. После, как откушаем, покажу твое новое местожительство. Тот будет сюрприз, – и Марвитц привычно захохотал.

Сэм не стал даже спрашивать, что за сюрприз, подхватил-

ся с койки, будто ему кто дал под зад хорошего пинка. К тому же, если сюрприз на поверку выйдет гадостью, чего об этом знать заранее и портить себе настроение, а если обернется по-хорошему, так тем паче, лучше отложить на потом. Сейчас все равно он не способен возрадоваться больше, чем при мысли – его, наконец, выпускают из опостылевшей крысиной норы.

Сэм, на удивление себе самому, бодрой трусцой добежал вслед за Марвитцем до длинного барака общей столовой. Заметала легкая метель, порывами, будто заигрывала. Небо кокетливо спрятало нежное и раннее солнце в клочковатых, снежных тучках, под сапогами скрипело и скользило, и вообще, жизнь вдруг стала прекрасна. Голова кружилась немного, не без того, но Сэм постановил себе не обращать на это никакого внимания. Он даже со вкусом, впервые за последние недели, поел и попил. Правда, в стакан ему пожаловали только чаю в отличие от Марвитца, который для настроения хлебнул налитой на палец, прозрачной, как вода, жидкости. Судя по крайне резкому запаху, чистого спирта. Но Сэм ни на что такое не претендовал, здоровье еще не позволяло ему рискованных экспериментов. Ничего, все впереди.

В столовой они сидели в одиночестве, если не считать пугливой молодой девушки, торопливо носившей им на подносе завтрак и чай. Сэм задержал ее ласково за руку, уж очень миленькая, спросил, как зовут.

– Гудрун Паули, герр лейтенант, – мягким застенчивым

голоском произнесла та и заспешила прочь. (Надо же, девчоночке известно, в каком он, Сэм, звании!)

– Хорошенькая! – не удержался от комментария Марвитц. – Повар нашей базы, зови ее просто Гуди. Ее все так зовут, – и Медведь лихо подмигнул убегавшей девушке.

Повариха почему-то побледнела, будто от испуга, и Сэму показалось, она подняла непроизвольно ладошку, как бы желая сделать охранительный жест.

– Смотри, руку откушу, – коротко, но совсем не зло, напротив, с добродушной подначкой предупредил ее Марвитц. Словно играл в какую-то игру. И погрозил пальцем.

Странно, но на Гуди эта угроза произвела совсем обратное впечатление. Она неожиданно улыбнулась, даже покраснела немного, как если бы Марвитц сказал неприличную вольность, и прыснула бегом в подсобное помещение. Ладно, Сэм сделал вид, что не обратил внимания.

– А почему мы с тобой одни? Карантин, политический и моральный? – спросил он, оглядев пустые столы. – Я вроде как в изоляции, а ты при мне надзирателем?

– Больно надо, – усмехнулся Марвитц. – Зеленый ты еще, да и много чести. А нет никого, потому что заняты люди. Кто чем. У нас все ранние пташки, и плюс дисциплина. Это я так, с тобой за компанию по второму разу зашел. Ну, да ничего. Мне все впрок.

Плотно позавтракав, они снова вышли на воздух. На усилившемся ветру холод пробирал даже через запахнутую шу-

бу, но, кажется, Мартвитцу и это представлялось нипочем. Хотя на нем-то как раз шубы не было, один лишь грубой вязки свитер. Он превесело гикал, похлопывал себя по бокам, словно пробки вышибал из шампанского, толчками в спину подгонял Сэма, чтобы не зевал по сторонам. Так они дошли до одного из белых барачков, особо ничем не примечательного на вид. Внутри оказался знакомый по планировке коридор, только без памятных ведра и щетки, зато с самодельным умывальником и раскаленным медным «титаном», греющим воду и мирно пыхтящим в тупичке-нише. Несколько фанерных дверей, даже без замков, одна неплотно прикрыта. И никаких тебе надписей и обозначений, разве сиротливый график, начерченный кое-как карандашом и прихлопнутый к стене желтым пятном канцелярского клея, судя по всему, поочередных дежурств в местах общего пользования.

– Меня теперь здесь держать будут? – задал Сэм логичный вопрос. Помещение в целом ему понравилось. И уютный запах, совсем даже не казарменный, и не душная теплота.

– Что значит держать? Ты зверь, что ли? – нахмурился вдруг Герхард. – Никогда больше не говори так. Жить здесь будешь. В комнате на двоих. А если не понравится, можешь и поменаться. Хотя это вряд ли, – загадочно сказал ему Марвитц и заулыбался.

Таковы были неожиданно приятные вести. Значит, Сэма вывели из-под ареста и позволяют проживать на относительной свободе даже с соседом. А может, ареста вовсе не было?

И Сэм что-то неправильно понял?

Они вошли в одну из дверей. На ней и вправду не имелось и подобия замка, только хлипкий засовчик изнутри, видимо, должный обозначать право на интимность. И сразу Сэм явно ощутил знакомый уже запах карболки и дешевого коньяка, а на примитивно сколоченной тумбочке возле соседней кровати увидел до боли знакомую фляжку.

– Ага, угадал! – совсем развеселился Герхард. – Он это! Он самый! Его клистирное сиятельство, судовой врач Линде! Все умолял, чтобы тебя непременно к нему! И Великого Лео убеждал, что вы приятели! Ну, он и выпить не дурак, наш старина Эрнст, я тебе скажу. Уж на что здесь каждый через одного может похвастать этим талантом, только доктор самого бригадефюрера переплюнул.

– Все! Конец мне! – нарочито трагическим тоном продекламировал Сэм. – У вас на базе, говоришь, дисциплина? Теперь здесь случится первое преднамеренное убийство! Или скажи Линде, чтобы вылил весь свой коньяк либо подарил твоему гауптштурмфюреру для пыток злоумышленников. А я пас!

– Коньяк действительно дрянь, – согласился с ним Марвитц. – Хотя, кажется, запас у доктора подходит к печальному концу. А ты вот что. Если полезет Линде со своей манеркой, сразу зови меня. Я уж ко всему привычный, что бы ни пить.

– А где я тебя найду? – поинтересовался Сэм, хотя и был

готов к ответу: «не твое дело» или «знать не положено».

– Где? Если не на службе, так я у себя. Помнишь, проходили мы хозяйственный ангар? Склад там, шапки, носки пуховые, то да се. В нем и живу. Стучи в дверь, да посильнее.

– Как же так? Склад ведь, наверное, не отапливается? – изумился Сэм.

– Ну да. А только сторож всегда должен быть при деле. Я иногда железную печку топлю, – утешил его Герхард. – Однако смотри, поздно ночью ко мне не ходи. И вообще. По темноте не шлейся. Хотя ее теперь мало будет, темноты-то. Лето наступает. Но все равно. После отбоя не ходи. От греха.

– Хорошо, не буду, – Сэм отчего-то вспомнил ручного волка, и ему сделалось не по себе. – А животные где у вас тут?

– Какие еще тебе животные? Мы собачьи упряжки не практикуем, – недоуменно взглянул на него Герхард.

– Да я не о собаках. Тот волк, помнишь? Его где держат?

– Нигде его не держат! Где хочет, там и ходит. И что ты заладил все: держат, держат! Зоопарк здесь, что ли? Обидно слушать! – Марвитц и вправду не притворялся, рассердился по-настоящему.

– Извини. Я просто так сказал. Не подумал, – на всякий случай стал оправдываться Сэм. – А все-таки этот волк, он опасный?

– Для тебя – нет, – несколько подобрел Марвитц. – Ты не беспокойся понапрасну, скоро сам все узнаешь. Еще подру-

житься, — странно и неопределенно пообещал он.

Затем Марвитц, устроив Сэма и посулив вскорости принести одежду, ушел, сославшись на дела. Сэм остался в одиночестве, сытный завтрак и пробежка на открытом воздухе действительно требовали от него немедленно прилечь. Что Сэм и исполнил, заняв вторую свободную кровать, кем-то уже застеленную не без заботы чистыми, хотя и чуть сероватыми простынями. Все равно что в раю. Еще бы горячую ванну, смену белья и порядочную бритву, а то зарос, пожалуй, не хуже Медведя. Только Герхарду густопсовая его борода придает романтической, разбойничьей таинственности, а Сэм, чернявый и худой лицом, наверняка теперь похож на нищего забулдыгу из жалостливых рождественских историй.

Он скинул сапоги, улегся поверх сурового солдатского одеяла, благо в комнатке было довольно тепло, нащупал в кармане штанов измятую пачку сигарет, почти нетронутую (чертовка Лис курить ему не разрешала, попросту отобрав зажигалку). На тумбочке Эрнста по счастью нашлись и спички. Сэм затаился в свое удовольствие, голова ничего, не подвела. Не затошнило и не закружило. Значит, он и впрямь почти здоров. Жаль, сон теперь как рукой сняло.

Сэм лежал и думал. Поневоле, само собой так вышло, хотя именно сейчас ни о чем думать он не хотел. Вот он и оказался в германском плену. А ведь справедливости ради надо признать, обращались с ним очень даже неплохо. Ле-

чили, кормили, выхаживали. Слова грубого не сказали. Тот же гауптштурмфюрер мог бы в рыло дать, но ничего, только ехидничал, еще и сигаретами одарил. Откуда такая щедрость? Значит, что-то им нужно от него до зарезу. Однако будет умора, если окажется, что Сэма приняли не за того. Тоже не выходит. Гауптштурмфюрер Ховен, судя по всему, прекрасно знает, кто он такой, Сэм Керши. А узнать он мог только от одного-единственного человека, от капитана доставившей Сэма лодки. Вот и получается, что о Сэме был запрос. Ведь не сам по себе решился Хартенштейн тащить его на край земли? Значит, где-то в далеком Берлине об его персоне осведомлены тоже. Тогда получается, что на некоторое время Сэм и вправду особа неприкосновенная. Одно это утешает слегка. Что к стенке еще не завтра, хотя какая разница – пристрелят его больным или здоровым?

Как относиться к людям, которые отныне составят его общество, Сэм не знал и пребывал по этому поводу в некотором затруднении. На сегодняшний день вокруг него как бы враги. Англия находится в состоянии войны с Германией, и это факт, от которого нельзя отмахнуться. Но и принять его безоговорочно тоже не получалось. Какой ему враг, к примеру, старина Эрнст, будто мама родная опекавший его в чреве субмарины? Или взять хотя бы Марвитца, или эту малышку Гуди, смущенно поглядывавшую на него из-под долгих ресниц? Если все немцы – сволочи, тогда и давний друг его, милый Гейнц, вместе с отцом интернированный в лагерь, то-

же проклятый «ганс»? Это совсем уже получалась ерунда. А ведь на базе есть еще люди. И какие они, неизвестно. Одни – наподобие Герхарда и доктора Линде, а кто-то сродни местному диктатору Ховену. Вот тот враг, нечего и думать. Нацист поганый, эсэсовец. А капитан Хартенштейн, он как? Простой вояка, без долгих размышлений. Увидел корабль – потопил. Оказался не тот – стал спасать. Его бомбят – он удирает, ему приказывают – исполняет. В британской армии тоже навалом ему подобных, иначе и воевать бессмысленно. Стало быть, выход у Сэма один: разделить всех здешних людей не на германцев и подданных британской короны, а на своих и чужих, то бишь хороших и плохих. Беда только, что редко когда Сэм жаловался на недостаток разума и неспособность к детальному анализу. Пусть чудак Линде отличный парень, пусть Медведь Герхард – парень еще лучше. Но ведь эти самые отличные парни, и никто иной, взяли и выбрали на свою голову фюрера. И ведь видели, кого выбирают. Заметьте, не переворотом, а, как ни крути, законным путем пришел их нынешний канцлер, полоумный неврастеник и садист, к высшей власти. Значит, чего-то от своего фюрера хотели и капитан, и доктор, и Медведь, а те, кто не хотел, давно червей кормят, это так. И Великих Лео расплодили тоже они, и терпят, и подчиняются. Надо же – Великий Лео! А ведь, как поглядишь, плюнуть не на что. Хотя запугивать он умеет, будьте-нате. Известно, где таких учат. Правда, хоть со всяческой белибердой насчет их германского превосходства

не лезут. Да и о каком превосходстве может идти речь, если Сэм, к примеру, не затурканный польский крестьянин, а подданный империи, где никогда не заходит солнце, которая стояла, когда их вшивого Германского Союза еще и в помине не существовало. Англосаксы, конечно, в просторечье и для пропаганды – «томми» и занюханные англичанишки, но на деле brave арийцы пока смотрят снизу вверх, как же, всамделишный джентльмен, хоть и всего-навсего лакейский сынок. Поставь нынешним тевтонцам придорожную каменюку, на которой вывески пишут о трактирах, и скажи, что пуп земли, так поклоняться придут. А еще раса господ!

«Ну а мы чем лучше? – тут же по справедливости вопросил себя Сэм. – Драли нос перед всем миром, пока нам на тот нос не натянули нашу же задницу. Нюхай теперь. Нет, все же с людьми жить надо по-людски, это только с волками – по-волчьи». Но и сие избитое выражение нисколько Сэма не утешило и не разрешило сомнений. Одно он твердо знал: не сможет он увидеть никогда в Эрнсте врага, а в гауптштурмфюрере – друга ни при каких обстоятельствах. Лучше о подобных материях вообще пока не думать, пусть все идет как идет. Не бывает на свете таких жизненных ситуаций, которые некоторым образом не разрешились бы сами собой. Это и называется случаем... Скоро он уснул.

*Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;
Пожара, яда мы страшимся в высшей мере;
Пред тем, что не грозит, дрожать обречены,
Еще не потеряв, уж плачем о потере.⁵*

Муж добродетельный и славный, храбрый Муций Сцевола, руку возложивший в огонь, дабы указать этрусскому царю на величие и непреклонность духа! Всегда сей римский патриций был для Вернера примером. А куда же ты головушку свою сунул, капитан 3-го ранга Хартенштейн? В мире, куда ни глянь, кругом война. Последнее сообщение, полученное еще в дороге – накостыляли нашему рыцарю пустины под Эль-Аламейном по первое число те же англичане. И убегал наш Роммель от них, что твой заяц.

Которую неделю теперь сидят на антарктической базе. А зачем? Никто не знает. А кто знает, в смысле гауптштурмфюрер Ховен, так ни словечка не говорит. Экипаж уже волнуется. Пятьдесят восемь человек, если исключить его и Мельмана. Выделил для них Лео аж три барака, что предназначены для летних строителей, хорошие помещения, куда лучше, чем походная теснотища. Только ребята от безделья уже маются. Кто бы подумал, что вахтенная смена в подзем-

---

⁵ И.В. Гете, «Фауст», в переводе Н. Холодковского.

ной пещере для них станет вместо развлечения? И то, маленький скандалчик уже был. Его же собственный акустик Франц на надувном ботике зачем-то, но скорее скуки ради, отправился гулять на строительную площадку. Даже фонарик захватил, такой предусмотрительный. И полез себе ковырять какой-то домкрат или, может, транспортер. Ему, видишь ли, гаечка понадобилась. А спроси, зачем она понадобилась, так и сам, поди, не знал. Теперь уже не скажет. Потому что участок заминирован. И ведь предупреждал всю команду и каждого по отдельности, что особая зона, посторонним вход запрещен. Но Франц, понадеявшись на зоркий глаз, полез. За гаечкой. Само собой, взрывчатка под меткой во льду была, небольшой такой заряд. Однако хватило. Ногу оторвало начисто. Пока с борта сообразили, пока второй ботик снарядили, Франц уже и кровью истек. Так что остались «нибелунг» без хозяина, а Хартенштейн без акустика, и заметьте, без мастера своего дела. В походе акустик – важнейший человек, это вам любой командир скажет.

Что в большом мире делается, вообще неизвестно. Бортовая радиостанция слабовата, а к своей Ховен доступа не дает, мол, секретный объект. Но через Бруно он уже вызнал – сам гауптштурмфюрер знает мало чего. Так, иногда перехватывает случайные сообщения, передачи из Кейптауна или Буэнос-Айреса, один раз прозвучало мельбурнское национальное радио, с большими помехами, приемник у Бруно тоже не верх индустриальной мысли, передатчик маломощный и

вовсе никуда не годится. Это специально, объяснил радист Вернеру, чтобы ненароком не выдать местоположение. Хоть чума, хоть золотуха, а молчи и молча же подымай, пока помощь не подойдет. Если успеет вовремя, конечно.

Хорошо еще, что экипаж его лодки существует автономно. Все же боевое подразделение, а не штатская шатия-братия. Других военных на базе до их прихода почти не было. Только трое с погонами. И то двое лишь номинально. Бригадефюрер Рейнеке звание носит почетное, за бывшие заслуги перед рейхом, а местного врача Шарлоту Эйгрубер вряд ли стоит принимать всерьез.

Да и врач она какой-то странный, ему об этом Линде осторожно намекал. Не то ветеринар, не то новомодной наукой генетикой увлекается. О последней Хартенштейн имел очень смутное и неточное представление, из области мистики скорее, но понял хорошо одно – случись какая хворь, на доктора Эйгрубер не стоит всерьез рассчитывать. Но вот в смысле приятного общения – почему бы и нет. Аппетитная женщина, ничего не скажешь. Уж вокруг нее вьется народу – не протолкнешься. Сама Шарлота, кажется, отдает предпочтение шутнику Бохману, экскурсоводу-любителю и малопочтенному повесе. Ничего, Вернер еще покажет фройляйн Шарлоте, что такое подводный флот и на какие подвиги он способен. А доктор Эйгрубер – дама солидная, не девочка, возраст за тридцать, тоже хорошо, не к лицу капитану с молоденькими кошечками возиться. И бюст, как у валькирии,

и волосы — что твой лен, даже в полярно-полевых условиях аккуратно уложены в прическу. Глаза серые-серые, но не холодные, нет, а гордые и самую крошку развратные. Тут капитан Вернер предался приятным фантазиям. И предавался им минут десять, пока к нему в комнату, выгороженную отдельно в углу барака, не влетел все тот же Бохман, шутник и потенциальный конкурент.

— Капитан, здорово вам дрыхнуть! — фамильярно закричал с порога инженер. — Великий визирь Ховен желает вас видеть для разговора, цель которого разъяснить не изволил.

— Все бы вам с выкрутасами. Нет чтобы обратиться по-человечески. Несерьезный вы человек, Вилли, я вам скажу, — оторвавшись от волнительных воспоминаний, поморщился недовольно Вернер. — Докладывать нужно по форме.

— Чтобы докладывать по форме, эту форму нужно иметь. Я же, как известно, человек сугубо гражданский, и не человек даже, а так, человекек. И потому мне дозволено больше, чем вам, капитан. Впрочем, я бы на вашем месте поспешил. Великий визирь не любит ждать.

Не любит он, видишь ли! А куда денешься? После случая с Францем гауптштурмфюрер устроил ему такой разнос, что до седых волос Вернер будет помнить. Размазал как тлю по фикусу, и главное, за дело. То-то и обидно.

Ховен ждал его в своей канцелярской комнатенке, какая с руки была бы только замшелому портяночному интенданту, но других помещений на базе не имелось. Все же не Принц-

Альбрехтштрассе, а задрипанный поселок на краю света. Сначала поговорили о том о сем, словно Ховен подбирался к некоему важному вопросу, но не решил еще, с чего начать.

– Дисциплина у вас хромает, – как обыденный факт, сообщил ему Лео, – я думаю, на днях сам скажу пару слов вашим ребятам. В казарме порядок, тут я против вас, капитан, ничего не имею. Но вот вчера опять случился инцидент.

Вернер напрягся и непроизвольно вытянулся на стуле в струнку. Что еще стряслось? И почему ему не доложили? С Мельмана он последнюю шкуру спустит, если допустил безобразие.

– Так вот, – продолжал тем временем гауптштурмфюрер с выражением на лице, будто сей момент жевал кислое яблоко, – была предпринята попытка самовольно проникнуть на склад. Как выяснилось, с целью хищения из запасов технического спирта. Вскрыта бочка, испорчен замок. К счастью, Марвитц подоспел вовремя. Отобрана десятилитровая канистра, резиновый шланг и три самодельных ножа с двойными лезвиями. Огласке происшествие лично я решил не предавать, Медведь и так дал по шее обоим, вашему механику и его помощнику. Думаю, больше не полезут. Но случай показательный.

– Оправдывать не стану. Трое суток гауптвахты с недельным дежурством в галюне, – случай и впрямь обидный и тревожный, тут ничего не скажешь, рассудил по справедливости Вернер. – Но и вы, Лео, поймите меня. Что я могу по-

делать с ребятами? У нас ведь как: или поход, или гуляй по суше, пока ноги носят. А здесь что? Боевую задачу я поставить не могу, потому что нет ее. Приказать всем сидеть по койкам – выйдет бунт. Не расстреливать же через одного?

– Через одного действительно чересчур, – с ухмылкой согласился Ховен. – Но при повторном случае мародерства одного расстреляю, собственноручно. Так и передайте вашим головорезам. А боевая задача – само ваше присутствие здесь. Немного позже займетесь разведкой береговой зоны, я укажу подробнее. Дело найдется. Но вызвал я вас не для этого.

Тут Ховен немного помолчал. Видно, наконец подобрался к тому самому разговору, ради которого и потребовал на ночь глядя к себе капитана.

– Вы не хотите немного выпить? – не то чтобы просительно, но как-то очень мягко спросил его гауптштурмфюрер.

– Не откажусь, – Вернер крикнул в предвкушении. Черт его знает, из каких запасов, но у Ховена имелся отличный трофейный бурбон, один раз уже угощался, сказка, а не напиток.

– Что же, так нам будет проще говорить, – строго и печально сообщил Ховен и полез в ящик своего стола.

Скоро забулькало в фаянсовых кружках, однако в самом деле немного. Гауптштурмфюрер расщедрился и на офицерские галеты. Выпили, еще помолчали с минуту. И тут-то Вернера огорошили.

– «Швабия» не пришла. Все сроки минули, ни ответа ни привета. Геделе каждые четыре часа шлет позывные, но тщетно.

– Это плохо? В смысле, что-то значит? Здесь, в этом районе, очень непростая навигация. К тому же мне ваши сроки неизвестны, – осторожно, чуть дыша, сказал Хартенштейн, чтобы не обозлить собеседника. Тогда разговора не выйдет, а Лео станет невыносим.

– Ах, да. Вы же не знаете, – вполне миролюбиво отозвался Ховен и коротко вздохнул. – А сроки действительно все вышли. Они должны были подойти сразу после вас.

– Чем может быть вызвана задержка? – тут уж немного обеспокоился и Вернер. Опоздать на неделю куда ни шло, но прошел почти месяц с тех пор, как его лодка прибыла на базу.

– Могу только предположить, – и гауптштурмфюрер неприятными, колкими глазами-молниями полыхнул на Хартенштейна. – Скажу только вам, потому что вы здесь старший из военных чинов. Более того, с сегодняшнего дня – мой начальник оперативного штаба.

– Сочту за честь... – начал было Вернер, но его осекли.

– Погодите перебивать, – неприязненно прикрикнул гауптштурмюрер, – лучше дослушайте! И внимательно. Все сказанное в этой комнате останется между нами без всяких исключений. Угрожать не стану, вы сами сейчас поймете почему. Была одна радиограмма, перехваченная случайно. О

ней знаем только я и Бруно, но Геделе надежный парень, к тому же не болтлив.

– Что в ней сообщалось? – Вернер подобрался, привычно посуровел, будто присутствовал на заседании штаба флотилии и от него ждали соответствия его капитанскому рангу. А впрочем, этого ждали тоже. Иначе зачем было звать?

– На Волге происходят неприятные события. Наше наступление сорвано, все замерли в ожидании. Чем кончится, неизвестно, а в России нынче суровая зима.

Кажется, в Берлине стало не до нас, – холодно поведал ему плохие известия Ховен.

– Вы хотите сказать, что про нас забыли? – осведомился Вернер, еще не очень для себя осознав услышанное.

– Не знаю. Но все возможно. Лето здесь короткое, и если «Швабия» не прибудет в ближайшее время, ее появление станет просто бессмысленным. Нам срывают график работ, а спросят, между прочим, с меня. К тому же с запасами у нас не Лукулловы пиры. Это так, к сведению, на всякий случай.

– Если можно, поконкретнее. Я, как понимаю, теперь ваш начальник штаба?

– Ну, с топливом еще туда-сюда. Мазута и бензина хватит на полгода. Это если не трогать ваши резервы. Но я подобное делать не намерен, ваша лодка должна быть на ходу. Спирта у нас двенадцать бочек по сорок литров, из них одна – медицинского. Ваше продовольствие, помноженное на наше, позволяет без существенного ограничения пайка про-

держаться около трех месяцев. Вот со взрывчаткой беда. Мы могли бы начать закладку новой шахты, но увы. Если бы вы согласились пожертвовать пару боевых торпед?

– Все это несколько неожиданно, – Хартенштейн призадумался. – Пожертвовать, конечно, можно. Почему бы и нет? Только, боюсь, они мало приспособлены для ваших нужд.

– Ничего, мои подопечные доведут до ума. Я советовался с Бохманом и Ени, оба говорят, что возможно. Не хотелось бы срывать программу строительства, да и исследовательскую тоже. Если вы еще не поняли, база 211 – последний приют. На самый последний случай.

– Это пораженческие настроения, герр гауптштурмфюрер Ховен. В боевых условиях я обязан... – капитан даже встал от возмущения, рука непроизвольно потянулась к кобуре.

– Да бросьте вы с вашей пукалкой. Неужто собрались стрелять в меня? Жаль, что не по адресу, – и Ховен неприятно засмеялся. – За энтузиазм хвалю. Но приказ получен свыше. Поэтому советую направлять ваши азартные и праведные негодования в Вевель-сбург или прямо в ставку. Надо предусмотреть и самый печальный исход. А спасти жизнь фюрера мы, его подданные, должны любой ценой. Это как знамя. Вы согласны, капитан? Даже если рухнет весь Третий рейх, сердце его должно биться в другом месте. Пусть и в льдах. Пока жива идея – живы и мы.

– Если так... – Вернер развел руками. На него словно вы-

лили ушат холодной воды. И вправду, чего он развоевался? Сидит тут в тепле, когда там, в Атлантике, гибнут лучшие из лучших, его друзья, между прочим. А ему, Вернеру, поручено, может, самое важное дело на земле. Спасение фюрера и чести всей нации. Только не рано ли спасать? – С чего вы решили, будто обстоятельства столь плохи?

– Ничего я не решил. Может, еще все обойдется. И завтра на горизонте мы увидим штандарт нашей «Швабии», узнаем, что доблестный вермахт вторгся за Волгу. А вы вскоре заделаетесь киевским помещиком и станете рассказывать в старости вашим внукам, качая их на коленях, как морозили себе задницу в антарктических льдах во славу империи, и фюрер собственной рукой пожаловал вам Рыцарский Крест уже с Дубовыми Листьями. За предусмотрительность и преданность.

– Что же... Какие будут сейчас указания? – понуро и покорно спросил Вернер.

– Посидим. Выпьем тет-а-тет, как говорят французы. Должен же я понять наконец, что представляет собой мой новый заместитель? Впрочем, с вами, капитан, и так наперед все ясно. Долг, присяга, салют папе Деницу. Вот вы меня за предателя вдруг вздумали держать. Только известно ли вам, каков девиз СС? Знаю, вы, флотские, нас терпеть не можете, белая кость, морская кровь. А девиз хорош: «Твоя честь – твоя верность». Я этого правила неукоснительно придерживаюсь. Хотя успехами хвалиться мне здесь не перед кем, и

захотят ли те успехи оценить в будущем, один Господь веда-ет.

Тут Лео Ховен несколько покривил душой в воспитатель-ных целях. В обыденной жизни он отдавал предпочтение иному лозунгу, который так любил повторять в узком кру-гу его непосредственный начальник рейхсфюрер Гиммлер. «Казаться немного большим, чем есть на самом деле». Очень действенное руководство, если следовать ему с умом. А ина-че нельзя. Особенно на здешней базе. Хартенштейн со своим плавучим железным ящиком каким путем явился, таким и уберется скоро восвояси. Как только придет «Швабия». Ведь рано или поздно она обязательно придет. О противном ва-рианте Лео и думать не хотелось. Вообще-то капитану и его экипажу он был даже рад. Конечно, проблемы неминуемы. Боевое подразделение, подводники всегда считались флот-ской элитой, попробуй удержи контроль, тут помимо авто-ритета надобна и жестокость. Но в меру, в меру. Зато! Это «зато» и было самым главным в рассуждениях Лео Ховена. Однажды забрав власть, дальше можно заботиться только о своевременном ее укреплении. И никаких тебе вопросов «зачем?», «а смысл?», «вы хорошо все обдумали?». За два года сидения на антарктических просторах пустых разгла-гольствований он наслушался вдоволь. Понятно, без граж-данских не обойтись. И чтобы не проходили ни по каким до-кументам. Плюс специфика «Аненэрбе», секретного отдела, подчиненного лично ему, Ховену. С одной стороны – наро-

дец здешний хлипкий, чуть что, наушничают друг на дружку, разве кроме лентяя Геделе, но радист как бы существует в полуспящем состоянии, с него спрос иной. Интеллигенцию, конечно, запугать и придавить раз плюнуть. Но вот беда, после опять непременно поднимутся и станут нудить свое «а почему?», «а зачем?», как лернейская гидра, первую голову долой, две другие вырастут. Положиться на них нельзя. Без своей преданной троицы он бы вообще за это дело не взялся. Только Медведь, Волк и Лис могут держать под контролем здешнюю ситуацию. Потому что они-то как раз и есть наглядное и неразрешимое «почему?», страшное и непреодолимое. Хотя дурачок Бохман даже их желает постичь умом, разложить на формулы, составить описание и принципы моделирования. Будто его графики смогут объяснить суть, которую вообще никакими уравнениями представить нельзя. Суть – она вопрос веры. Однако медальончик с руной тот же Бохман исправно таскает на груди. Вот тебе и материалист! И еще дразнит, слегка и с опаской, самого Ховена, мол, он, гаупштурмфюрер, хоть и офицер, а мракобес. Отравленный с детства пангерманским мистицизмом. Как будто ему, Лео Ховену, доставляет удовольствие возиться со всей здешней шушерой. Да случись его воля, победа Третьего рейха и мир на земле, рванул бы в Гималаи, в Тибет, взял бы с собой Медведя, Волка и Лис и стал бы жить. Плюнул бы даже на исследования, это ведь глупость – исследовать божьи чудеса. На них нужно взирать, их нужно хранить. Вот этим бы

и занялся.

Что он вообще понимает, этот Бохман, самонадеянный шут короля Лира? Дюссельдорфский либерал, задравший лапки вверх перед новой властью, ей же и продавшийся на заводы Мессершмидта. Папаша его служил мастером на пуговичной фабрике, сынок, гляди, дорос до дипломированного инженера. Тошнит его от таких выскочек. А ведь он, Лео Ховен, – сын Винценца Антона Ховена, знаменитейшего баденского профессора-диетолога, хозяина клиники и шикарного поместья. Дед его – берлинский адвокат, выпускник Гейдельберга, и дед его деда – тоже. И мать, венгерка, красавица, графская дочка, с детства внушавшая маленькому Лео убеждения о невозможности для него равенства с так называемым простонародьем. Он и в университете держался свысока, пускай учился ничуть не лучше других, а многое давалось с трудом. Жаль, поздно понял, что поприще медицинское – не его стезя. Тогда решил идти добровольно лабораторной дорожкой, практикующий врач из него бы не вышел все равно. Лео не любил людей, а это делало невозможной успешную карьеру. Микробиология его не прельщала, эпидемиология – ни в каком варианте, но вот генетические изыскания оказались по душе. Хотя многие серьезные ученые и называли Ховена шарлатаном. Впрочем, генетику он вскоре бросил тоже. Потому что к этому времени в Берлине кардинальным образом переменилась власть, и этой новой власти Лео Ховен пришелся как нельзя более ко двору. В ту

пору еще только создавалось официально расовое бюро, и Лео оказался одним из первых его сотрудников, между прочим, зачислен в штат согласно своим убеждениям, не из корысти. Мистик? Что же, пусть и мистик. Он более верил в интуитивное восприятие и чутье, чем в самые точные расчеты и эксперименты. А когда в тридцать пятом свихнувшийся на спиритических видениях и порнографии штандартен-фюрер Зиверс позвал его в только что созданное «Наследие предков», он немедленно согласился.

Между прочим, в отличие от орды высокоумных бездельников, собиравших заплесневелые легенды о Валгалле и арийских корнях, Лео занялся настоящим делом. Он стал искать, и не что-нибудь абстрактное – вполне конкретное, хотя тоже начать пришлось со слухов и пересудов, но ходивших здесь и сейчас, не в седой древности. И ведь никто не верил, кроме него. Это какое же он имел убеждение, какую силу своей правоты, если под гиблое предприятие выбил и финансирование, и специальное разрешение! По правде говоря, в те ранние годы много под какой абсурд выделялись средства, лишь бы направление было идеологически правильным. Неожиданно его поддержал знаменитейший прихвостень рейхсфюрера и кликушествующий аферист Карл Вилигут, масон и собиратель мифов о Рабенштейне. Даже представил молодого и перспективного коллегу Ховена самому Геббельсу. Это в свою очередь придало Лео определенный вес. Никто, конечно, на деле и не думал, что он найдет.

Просто мода в то время пошла такая – чего только не искали, от Ноева ковчега до эльфийской цивилизации Древней Германии, от скрижалей Моисея до гробницы Брунгильды. Зато, когда нашел, заметьте, под самым носом, в лесах под Падерборном, в известковых, пещерных скалах, когда вернулся вместе с Марвитцем и предъявил, вот тогда его и стали принимать всерьез. А кончилось все здесь, на базе 211. Дальше уже некуда. Все-таки он доволен, может, это и не совсем то, что хотел Леопольд Ховен от жизни, но если слишком много хотеть, можно получить больше, чем просил. И потом, еще ничего не кончено. Он так прямо и сказал об этом прусскому остолопу, что сейчас сидит перед ним с кружкой, полной великолепно бургонда, и ждет, когда же Лео первым выпьет. Понимает субординацию, сукин сын, что само по себе уже неплохо.

Они выпили еще по одной, неторопливо, за простым разговором, больше спрашивал, конечно, Лео, капитан охотно отвечал. Где родился, зачем женился, и жаловался – на базе в общем-то приличные условия, жаль только, женского полу маловато. Ховен сказал ему в утешение – пусть радуется, что хоть сколько-то есть. Поначалу вообще не планировалось. Никого, кроме Лис. Но вот взял свою ассистентку Шарлоту, а на второй год прибыла Гуди, после того как прежний повар с пьяных глаз и с дремучей тоски спалил посреди ночи столовый блок. Теперь за Гуди, уж как может, старается ухаживать Марвитц, и вроде даже с некоторым успехом. Де-

вушка хотя и побаивается его, как же иначе, зато на особом положении. Кто в здравом уме захочет связываться с Медведем?

– Вам не кажется, Лео, ваши телохранители немного странная публика? – Вернер уже выпил достаточно, чтобы отважиться на такой вопрос. Тем более что бурбон, выданный для затравки, был уже позади, и Ховен твердой рукой давно разливал по кружкам благородный медицинский спирт.

– Странная публика, говорите? – тут Ховен впервые при нем рассмеялся мелким, рассыпчатым, как пустые стекляшки, беспечным смехом. – Не то слово. Но больше я вам ничего не скажу по этому поводу, кроме одного. Бойтесь их, очень бойтесь. И никогда не воображайте себе, будто знаете, с кем имеете дело.

Вернер, от спирта набравшийся залихватской, флотской наглости, собрался было возразить, что плевать он хотел, а полезут, пусть считают зубы, однако не успел. Сквозь толстые теплые стены штабного барака вдруг прорвался тревожно-скандальный шум, затем и крики, переходящие в ужасающий рев, а спустя еще немного в дверь влетел Волк и с порога закричал:

– Скорее, скорее, герр Ховен, пятый блок, кажется, напали на Лис! – и выбежал прочь.

Гауптштурмфюрер и капитан Хартенштейн разом сорвались с мест. Едва накинув поверх меховые куртки, выскочи-

ли наружу, Вернер по ходу дела пытался расстегнуть кобуру, задубевшую на двадцатиградусном морозе. Лео крикнул ему на бегу:

– Не старайтесь! Это не понадобится! Я думаю, нам уже не успеть! – и, обогнав капитана, со всех ног припустил через освещенное прожектором пространство к пятому блоку.

Сэм сидел на своей кровати, по-солдатски заправленной двойным колючим одеялом, побрав под себя ноги, в толстенных носках из свалявшегося в комки сизого пуха. В руке у него была колода карт. Играли в банальный преферанс с болваном. Доктор Линде, уже изрядно под мухой, вел запись на клочке оберточной бумаги, содранной со свежей упаковки бинтов, слюнявил чернильный карандаш, язык его сиял меж зубов антрацитовым блеском. Герхард развалился рядом прямо на полу, подложив для тепла и удобства свернутую пополам собственную шубу, с ухмылкой косился на Сэма, как бы подначивая. Медведю сегодня везло, и он шел «в гору».

Перед игроками на крошечном пятачке пустого пространства стоял низенький табурет, который и представлял собой импровизированный карточный стол. Сэм был на сдаче, размеренными взмахами тасовал потрепанную, но довольно чистую колоду. Электричество в виде единственной лампочки под самодельным жестяным абажуром испускало в скромных дозах очень тусклый, но приятный свет, создавая милую атмосферу приватного мужского клуба. Тишина и покой для

Сэма впервые за несколько лет. Он выбросил на крашенные доски табурета три карты рубашками вниз.

– Вот! Опять подсматривает! – с наигранным негодованием воскликнул Линде (доктор был в минусе и оттого придирался к Марвитцу). – Ему же снизу видно. Пусть Герхард сядет, слышишь, Медведь ты этакий?

– Я лучше глаза пока закрою, – лениво отозвался Марвитц, не желая прекращать собственное уютное лежание на шубе. – Смит, ты скажи за меня Эрнсту, что он и есть настоящий болван, а я играю честно. Тоже мне, будто ставит на кон виллу в Биарицце!

– Виллу не виллу, но если и дальше так пойдет, Эрнст определенно лишится своих швейцарских часов, – подкозырнул в ответ для забавы Сэм.

Он уже привык за эти полмесяца, что Герхард называет его по вымышленной фамилии, а вслед с его легкой руки и вся база. И теперь отныне он Сэм Смит.

Только Ховен и маленькая повариха Гуди обращаются к нему «герр лейтенант», первый с издевкой, вторая – с трогательным и несколько жалостливым почтением. Зря он придиравался, гауптштурмфюреру и вправду было наплевать, как его зовут, хоть Джон Смит, хоть Авенариус Макинтош Огилви. Имя его имело значение только для него самого. Это лишь на первых порах его невольного плена Сэму казалось, будто данные ему с рождения имя и фамилия как бы неприкосновенное достояние и тайна почище государствен-

ной. Что стоит их назвать — и дальше он откроет Ховену все, о чем бы гауптштурмфюрер ни спросил. Не какая-то особенная стойкость или ненависть к врагу вынуждали Сэма, он все же не русский коммунист, и секретность его персоны весьма сомнительна. Тут было другое. На Сэма словно навалилась вся усталость мира, бесконечная и тяжкая, еще с первых секунд, после того как на руках у доктора Линде он открыл глаза. И стал припоминать.

В него стреляли, в голову и в грудь. Прострелили плечо, изрядно подпортили черепушку над правым ухом. И заметьте, все это сделал над ним свой, военный офицер и британский подданный, по приказу такого же начальника. Стрелял, чтобы убить, и отчасти это удалось. Раз велено уничтожить Сэма Керши, что же, пускай станем считать, что Сэма Керши больше не существует. Собрат поднял на него руку, а враг подобрал и стал лечить. И ни одного не интересовал Сэм Керши сам по себе, как человек и индивид, лишь как шахматная фигура в большой игре, фигура неясного достоинства, то ли ферзь, то ли пешка. Так что концы в воду на всякий случай с одной стороны, и секретная антарктическая база с другой. Сэм, однако, не желал ввязываться в чужие игры, тем более с завязанными глазами, и оттого назвался Джоном Смитом, чтобы перестать быть уже совсем. Есть же где-то на свете граница и предел гнусности и подлости? Видимо, только за последней чертой. Правильно гауптштурмфюрер Ховен угадал про него. Сэма действительно бессмысленно мучить и

терзать грубой силой, он подойдет и только, потому что устал жить. От первого же сокрушительного удара. Бесстрастно и покорно отпустит на волю убегающее сознание и отправится в вечный покой.

Но самое скверное – гауптштурмфюрер все-таки заставил его очухаться, именно потому, что тоже отпустил и все понял. Именно потому, что клятый эсэсовец, желая понять, единственный из всех, за кем право имелось решать, посмотрел на Сэма как на человека, конкретного и реального, а не только как на соответствие строчке служебного донесения. Даже вынудил ненавидеть себя и тем вернул Сэму некоторую жизненную силу. Это не был гестаповский трюк, Сэм бы почувствовал. Нет, дело обстояло гораздо хуже, гауптштурмфюрер затеял с ним, лично с ним, отношения, смысл которых Сэм никак не мог определить для себя.

До сих пор, то есть в течение трех недель, он существовал в относительной свободе, если исключить болезнь и опеку Лис. Иначе говоря, беспрепятственно передвигался по базе, мог даже запросто, если бы захотел, войти в любое помещение. Марвитц сколько раз звал его ради любопытства заглянуть в лабораторию к Шарлоте, нельзя же киснуть без женского общества. Сэм был уверен, что, если бы ему в голову пришла безумная мысль самому постучаться в жесткую, обитую железом дверь с надписью «Аненэрбе», он услышал бы сухое «войдите!», и тот же Ховен выслушал бы, зачем он пришел. Правда, к гауптштурмфюреру его вызывали уже

дважды. Тут как раз и было ограничение его кажущейся свободы, проигнорировать приглашение он не посмел, черт его знает почему. Утешением служило одно то, что любой из местных жителей базы и сам капитан Хартенштейн в подобных обстоятельствах бежали к штабному блоку на полуосгноутых, не мешкая ни секунды, а Сэм все же шел вразвалочку, будто оказывал одолжение. Но все же шел. И не было здесь никакого одолжения, лишь вынужденное смирение перед вышней властью.

Но и походы те были странными. Или представлялись таковыми. Просто оттого, что Сэм не видел к ним явного повода. Гауптштурмфюрер Ховен его даже не допрашивал в прямом понимании этого слова. Их встречи скорее напоминали досужие посиделки, правда, по меньшей мере одно лицо участвовало в них против своей воли. У Сэма не выпытывали военные секреты, количество родственников и обстоятельства личной жизни, только раз Великий Лео спросил его, сколько у Сэма детей, и очень удивился, узнав, что тот не женат. Значит, в досье на него, Сэма, не имелось даже такого обыденного факта из личной биографии. Да и существовало ли это досье на деле? Сэм все более склонялся, частью из экономии мышления, частью от раздражения, что в реальности его история выглядела так: случайный приятель донес на него в случайном эпизоде, а тут еще кстати вышла погоня бомбардировщиков, капитан послал соответствующий запрос, в Берлине подумали-подумали, вероятно, недолго, и,

чтобы не срывать задания и не маяться с выгрузкой раненого, послали ответный приказ взять с собой, авось гауптштурмфюреру Ховену на что-нибудь да сгодится. Не гонять же, в самом деле, ради одного лейтенантишки крейсерскую подлодку вокруг света? И теперь тот же Ховен не знает, как ему поступать дальше с «дорогим подарочком».

Больше всего обескураживало, что даже словесных драк меж ним и Ховеном толком не выходило. Хотя гауптштурмфюрер куражился, правда, как-то вяло, а Сэм огрызался, но эти перепалки противостоянием назвать никак было нельзя. Сэм, однако, желал теперь дуэли, непременно победителем. Ховен же коварно ускользал, напоследок обдавая градом насмешек, ответить на которые значило потерять достоинство, а не ответить – целый день потом сожалеть. Вот и вчера повторился похожий сценарий. Лео вызвал его к себе, и Сэм, пусть нехотя, но явился пред начальственные очи.

– Нет ли каких пожеланий? – неожиданно спросил его гауптштурмфюрер. Вовсе не вежливо-официально, а с привычной ядовитой подковыркой. – За это время должны возникнуть. Как вам живется совместно с Линде? Не спились еще?

– Никак нет, – огрызнулся Сэм, – жалоб не имею, похмельного синдрома тоже.

– А я вас не о жалобах спрашиваю, лишь о пожеланиях. Жалобщиков у меня и без вас хватает, – Ховен кивком головы указал на толстую канцелярскую папку. – Чернила только

изводят, будто я соержу писчебумажный склад.

В этот миг Сэм невольно ощутил вынужденное неудобство, будто нарочно напрашивался в осведомители, когда никто и не думал предлагать. Вечно гауптштурмфюрер вернет все наизнанку, добудет постыдный смысл из самых простых слов, на это он мастер.

– Пожеланий тоже нет. В смысле, выполнимых в данных обстоятельствах, – сухо ответил Сэм и демонстративно посмотрел в потолок.

Гауптштурмфюрер посмотрел вслед за ним, ничего не увидел и вопросительно перевел взгляд на Сэма, явно издеваясь: какие же узоры там написаны?

– К питанию претензий нет? Впрочем, кормят вас наравне со всеми, а разносолов предложить не могу. Одеждой вы обеспечены? Ну, мало ли, вдруг подштанников не хватает. В этом случае не стесняйтесь, обращайтесь прямо к Марвицу, вы с ним вроде приятели. Из книг хочу порекомендовать «Майн кампф», имею аж четырнадцать экземпляров. Не желаете? Напрасно. Братьев Манн или Шпенглера наверняка вы и без того читали, а с идейной литературой противника когда еще выпадет шанс ознакомиться? – продолжал глумиться Ховен.

– Обойдусь и без этой чести. К тому же не считаю нужным тратить время на чтение заведомой макулатуры, – еще суше процедил Сэм. Он уже тихо бесился.

– Ну да. Дел у вас по горло, – коварно заметил ему гаупт-

штурмфюрер.

И тут, уж без дураков, наступил Сэму на большую мозолину. Две недели без малого Сэм слонялся по базе, как приبلудный монах на съезде атеистов. Вокруг него все население поселка, не говоря уже о казармах подводников, жило по часам. Все работали, сутились, куда-то спешили, даже Бруно важно восседал в своей радиорубке. И даже Эрнст ровно в девять исчезал в организованном им со знанием дела медпункте, оделяя страждущих касторкой и аспирином, вскрывая нарывы, латая порезы, однажды бесстрашно вырвал зуб мудрости у старшего механика базы Ганса Тенсфельда, за что и получил в подарок жестяной абажур с резными краями. Один только Сэм шатался от барака к бараку от вынужденного безделья, всем мешал, видел это, но все равно валяться на кровати выходило еще хуже. Он облазил окрестности базы, однажды чуть не заблудился, за что от Герхарда достался ему болезненный подзатыльник, ничего интересного не нашел, снег и лед, хотел было прогуляться на берег и поглядеть на пингвинов, да гордость не позволила. Вспомнил, как Ховен предрекал, что выйдет из Сэма пингвиний царь, и не пошел. А тут еще, будто назло, гауптштурмфюрер полез грязными руками в душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.